This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A7
Pulnička nazad.

Bl. Jan. 1935

HARVARD LAW LIBRARY

Received

391

ПОЛЪ-ВѢКА НАЗАДЪ.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

УЧИЛИЩА ПРАВОВѢДѢНІЯ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Издалъ одинъ изъ 1407 кончившихъ въ ономъ курсъ

ВЫПУСКА 1845 ГОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Е. Евдокимова, В. Итальянская, № 11
1892.

ПОЛЪ-ВѢКА НАЗАДЪ.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

УЧИЛИЩА ПРАВОВѢДѢНІЯ

въ С.-Петербургѣ.

Издалъ одинъ изъ 1407 кончившихъ въ ономъ курсъ,

ВЫПУСКА 1845 ГОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Сентября 1892 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась маленькая книжечка, въ которой авторъ изложилъ, *для немногихъ* впрочемъ, воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, проведенномъ въ стѣнахъ Училища Правовѣдѣнія.

Самъ издатель въ предисловіи устранялъ сомнѣніе въ томъ, чтобы эти отрывочныя черты давнишней школьной жизни могли бы кому-либо изъ старыхъ правовѣдовъ прійтиться не по душѣ. И онъ былъ вполнѣ правъ.

Всѣ они, эти старые правовѣды, читавшіе дорогія строки, *почуяли свою прошедшую молодость,* свою лучшую пору жизни, и въ душѣ своей сказали большое спасибо ихъ

сверстнику и товарищу, рѣшившемуся обнародовать дневникъ свой.

Эта увѣренность ощущенія пріятныхъ минутъ, которыя должны испытывать всѣ при возобновленіи въ памяти дорогихъ дней дѣтства подвигнула и меня пойти по стопамъ многоуважаемаго К. П. Побѣдоносцева и подѣлиться съ бывшими правовѣдами и публикою тѣми взглядами, понятіями и чувствами, которыя волновали и наполняли душу юноши, переступившаго порогъ Правовѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы въ этомъ Училищѣ получить свое образованіе.

Если книга наша не можетъ быть поставлена наряду или подлѣ *отрывковъ изъ школьнаго дневника*, то всѣ ея несовершенства и недостатки искупаются превосходными силуэтами покойнаго К. Д. Данилова, памяти котораго мы посвящаемъ нѣсколько строкъ въ концѣ книги. Вѣдь эти силуэты сдѣланы съ такимъ совершенствомъ, такъ напоминаютъ выраженія лицъ, которыхъ они представляютъ, что только остается удивляться талантливости

правовѣда-портретиста, которымъ они нарисованы.

Въ заключеніе считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ изъявить здѣсь глубокую нашу благодарность г-ну правителю дѣлъ канцеляріи Училища Правовѣдѣнія Тим. Ив. Конюченко, много насъ облегчившему въ трудахъ по изданію представленной нынѣ на судъ публики книги.

ПОЛЪ-ВѢКА НАЗАДЪ.

Первое Училище Правовѣдѣнія въ Россіи основано въ 1835 году; а такъ какъ пишущій эти строки родился въ 1824 году, то, въ годъ основанія этой единственной у насъ гражданской юридической школы, ему шелъ тогда одиннадцатый годъ.

Родители его начинали уже думать о томъ, куда пристроить бойкаго и рѣзваго мальчика и третья — тогда еще не носившая названія классической — гимназія у Пустого рынка (какое странное сопоставленіе!) готова уже была принять юнца въ свои нѣдра.

Что до него лично, то онъ не помышлялъ вовсе о древнихъ мудрецахъ и герояхъ; онъ бредилъ только моремъ.

Робинзонъ Крузоё, котораго ему дали читать какъ первую книгу, совершенно сбилъ его съ толку; онъ только что и видѣлъ свѣту на томъ необитаемомъ островѣ, на который судьба забросила юнаго сына гамбургскаго купца! Буря, разбившая корабль, на ко-

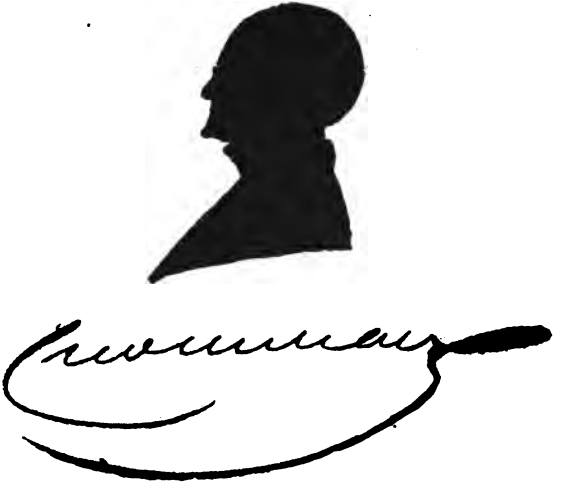
торомъ находился незнаемый, но тѣмъ не менѣе закадычный другъ мальчика (о! какъ любилъ, какъ мысленно обнималъ онъ тогда своего милаго Крузоё) представлялась ему явленіемъ природы столь величественнымъ, столь необычайнымъ, что онъ готовъ былъ, какъ дикарь, пасть предъ вздыманіемъ волнъ на колѣни и поклоняться имъ, какъ тотъ въ простотѣ души своей поклоняется огню или солнцу.

Для обузданія разыгравшейся фантазіи мальчугана, который, чего добраго, готовъ былъ покинуть родительскій домъ и найти себѣ пріютъ подъ декомъ какого-нибудь иностраннаго корабля въ Кронштадтѣ, отецъ купилъ ему латинскую грамматику Цумфта и его засадили за склоненіе словъ mensa, schola, а третье слово было кажется rosga — или что-то въ этомъ родѣ.

«Меня страшилъ этотъ черствый языкъ»*), и всетаки надо было, не выпуская книги изъ рукъ, ходить по саду, находившемуся при деревянномъ домѣ отца въ Сергіевской улицѣ и, подъ тѣнью старинныхъ липъ и акацій, склонять, склонять и склонять эти скучныя латинскія существительныя отъ Nominativus до Ablativus включительно.

Наступило время пріемныхъ экзаменовъ. Меня ведутъ прямо въ квартиру директора 3-й гимназіи, Ва-

*) Огарева — «Старый домъ».



силія Васильевича Шнейдера, ставятъ маленькаго посреди большого зала, и вотъ онъ, своею величественною и важною поступью, какъ римскій патрицій, выходитъ изъ боковой двери, останавливается передо мною, заслоняя собою окно и свѣтъ Божій, и говоритъ: «а ну-ка, маленькій латинистъ, склоненія знаете?

— Знаю-съ, отвѣчаю я, но уже какой-то тонъ неувѣренности и страха слышится въ голосѣ.

— Хорошо! Склоняйте же мнѣ — это большое море: Illud magnum mare!

Сказавъ это, онъ нѣсколько повернулся ко мнѣ своимъ лѣвымъ бокомъ, какъ будто въ такомъ положеніи слова мои лучше могли долетать до его слуха и—приготовился слушать.

Nominativus повторилъ я безъ ошибокъ: illud magnum mare.

Genetivus: illius magni maris — также прошелъ благополучно.

Dativus — но, здѣсь, вдругъ мелькаетъ мысль: да какъ же это онъ задалъ мнѣ море? неужели узналъ и про Робинзона? Странно!..

Голосъ мой немножко упалъ, но все-таки довольно бодро продолжаю — Dativus: illi magno... illi magno mari... послѣдній слогъ произносится уже невнятно, чуть слышно.

При Accusativus—потупляются глаза въ землю, голосъ дрожитъ, слезы висятъ на рѣсницахъ, что-то въ груди обрывается, и при Ablativus—illo magno mari—безпричинныя дѣтскія слезы летятъ градомъ на полъ и разливаются по немъ чуть-чуть не какъ это дорогое, обожаемое море!

Шнейдеръ улыбается, гладитъ меня по головѣ и со словами: «малъ еще, погодите, пусть окрѣпнетъ»—оставляетъ насъ.

Мы съ отцемъ возвращаемся домой; по случаю такого блестящаго экзамена — большое бѣганье по саду съ братьями и лазанье съ ними по деревьямъ. Еще на годъ меня оставляютъ дома при родителяхъ, а на слѣдующій годъ, вмѣсто третьей гимназіи, поступаю я въ число воспитанниковъ младшаго класса Императорскаго Училища Правовѣдѣнія.

* * *

Для Училища Правовѣдѣнія Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій пріобрѣлъ домъ на углу Сергіевской улицы и набережной рѣки Фонтанки, прежде бывшій Неплюева. Не входитъ въ нашу задачу изслѣдовать—кѣмъ и въ какое время домъ этотъ былъ построенъ. Мы слышали легендарное сказаніе, что когда-то на мѣстѣ Неплюевскаго дома были конюшни герцога Бирона и что русскіе люди въ тѣхъ зданіяхъ

терпѣли великое горе и выносили тяжкія наказанія и муки по волѣ строптиваго деспота. Если это сказаніе справедливо, то какъ не подивиться, что тѣ самыя стѣны, которыя были когда-то свидѣтелями какъ жертвы злобы временщика обращаемы были въ ледяныя глыбы,—впослѣдствіи пріютили молодыхъ людей, назначенныхъ къ искорененію зла во всѣхъ его видахъ и насажденію правды въ землѣ Русской.

Затѣмъ собственно о бывшемъ домовладѣльцѣ Ив. Ив. Неплюевѣ извѣстно, что онъ служилъ въ Лейбъ-Гусарахъ, владѣлъ что-то въ родѣ 40,000 душъ крестьянъ, и вслѣдствіе этого жилъ широко и щедро практиковалъ русское хлѣбосольство. Онъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала Дибича Забалканскаго, принималъ у себя весь beau-monde Петербурга и очень любилъ, говорятъ, обезьянъ и попугаевъ.

Розовое мраморное зало, въ которомъ впослѣдствіи помѣстилась училищная библіотека, служило заломъ для танцевъ, и по цвѣтному его паркету, на балахъ Неплюева, порхали ножки тогдашнихъ красавицъ и звенѣли и стучали шпоры гусаръ и конногвардейцевъ. При домѣ былъ большой садъ, въ которомъ въ зимніе ясные дни молодежь каталась съ горъ.

Но не на одни балы и рауты тратилъ богачъ Неплюевъ свои доходы и средства — на его капиталъ основанъ въ Оренбургѣ кадетскій корпусъ, которому и присвоено названіе Неплюевскаго. Затѣмъ, кажется,

въ этомъ же домѣ, одно время, помѣщалось персидское посольство и кто-то, когда мы были еще дѣтьми и только-что поступили въ Училище, пустилъ слухъ, что одному изъ рабовъ персидскихъ была отрублена голова, и что тѣнь этого несчастнаго перса бродила ночью по класснымъ комнатамъ, ища покоя.

Дядька же Меркурьевъ, плотный, краснощекій и круглолицый солдатикъ весьма веселаго нрава, не доставляя ситниковъ съ икрою, за которыми онъ былъ посылаемъ, готовъ былъ каждый разъ утверждать и божиться, что то и другое имъ было куплено вѣрно, но что тѣнь въ бѣломъ, когда онъ вечеромъ проходилъ чрезъ зало, отняла у него и то и другое. Намъ и тогда однако же страннымъ казалось, что Меркурьевъ, оправдывая себя такимъ необычайнымъ явленіемъ, былъ лицомъ веселъ и духомъ покоенъ, но это, конечно, объясняемо было нами неустрашимостью и храбростью русскаго солдата вообще, а Меркурьева—въ особенности.

* * *

Училище Правовѣдѣнія открыто было 5-го декабря 1835 года. Мнѣ, какъ поступившему два года спустя послѣ его открытія, не приходится описывать торжественный день 5-го декабря; но, чтобы теперь-же дать понятіе о свойствахъ человѣка, которому Училище это обязано своимъ существованіемъ, приведу

Протоіерей

Михаилъ Богословскій

нѣсколько строкъ изъ письма Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго къ Императору Николаю Павловичу — въ то время, когда Принцъ назначенъ былъ сенаторомъ въ I-й департаментъ и когда родилась у него именно мысль о необходимости основать Училище, которое имѣло бы спеціальною цѣлью подготовлять опытныхъ и честныхъ юристовъ. Вотъ эти строки:

«Вамъ, Государь, принадлежитъ все, что я имѣю, и «самая жизнь моя, и еслибъ, удѣленіемъ моего из«бытка, могъ я содѣйствовать пользѣ службы Вашего «Императорскаго Величества — могъ быть полезенъ «родинѣ, къ коей привязанъ душою, то почелъ бы «себя безмѣрно счастливымъ. Побуждаемый сими чув«ствами, я желалъ-бы пожертвовать сумму, потреб«ную на пріобрѣтеніе дома и на первоначальное об«заведеніе Училища Правовѣдѣнія».

Вступительные экзамены тогда, какъ и теперь, для родителей конечно были полны тревогъ и опасеній, а для приводимыхъ дѣтей—великихъ страховъ и волненій. Для меня однакоже они кончились благополучно, и вотъ я — одѣтъ въ казенное платье и, какъ меньшій ростомъ, маршируюъ въ первой парѣ. Мы вступаемъ въ церковь, тогда не такихъ большихъ размѣровъ, какъ теперь, священникъ молится и говоритъ намъ слово. На другой день начинаются классы. Первый урокъ Закона Божія, и вотъ, при воцарившемся молчаніи, отецъ Михаилъ начинаетъ:

— «Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней», затѣмъ на минуту останавливается. Пользуясь этой минутой, сосѣдъ мой, Степанъ Могилевскій, привстаетъ съ мѣста и, обращаясь къ батюшкѣ, ставитъ вопросъ:

— А что Господь Богъ дѣлалъ до сотворенія міра?

— Вилъ жгуты на тѣхъ, кто будетъ объ этомъ спрашивать, покойно и невозмутимо отвѣчаетъ умный и толковый пастырь, продолжая свой урокъ далѣе.

Да! нашъ первый училищный священникъ, отецъ Михаилъ Измайловичъ Богословскій, былъ именно толковый и дѣльный преподаватель, полный вѣры и далекій отъ всякаго фарисейства. Воспитанникъ здѣшней Духовной Академіи, очень скоро по выпускѣ магистръ богословія, онъ все время высоко несъ знамя духовной науки и по характеру и уму своему пользовался и у Принца, и среди насъ большимъ авторитетомъ.

Ему наше первое слово, ему наше глубокое спасибо! Онъ вѣрой и правдой служилъ святому дѣлу воспитанія дѣтей и почти тридцать лѣтъ стоялъ предъ однимъ и тѣмъ же престоломъ въ церкви и молился съ нами. Миръ его бодрому, честному, всегда правдивому духу!

Первый директоръ Училища, Семенъ Антоновичъ Пошманъ, былъ человѣкъ, какъ говорится, «строгихъ правилъ». Военный служака, онъ внесъ въ гражданское училище и военную дисциплину и безмолвное повиновеніе высшему начальству.

Все время управленія Училищемъ онъ оставался вѣренъ разъ принятому принципу и держалъ все и всѣхъ, какъ говорится, «въ ежовыхъ рукавицахъ». Мы всѣ его побаивались не на шутку — это правда, но правда и то, что въ самомъ этомъ страхѣ юныя сердца наши инстинктивно чувствовали въ этой строгой, до абсолютизма доходящей власти желаніе намъ добра и стремленіе сдѣлать насъ людьми чести и порядка. Теперь, когда болѣе пятидесяти лѣтъ отдѣляютъ меня отъ описываемаго времени, сонмъ учителей, профессоровъ и воспитателей представляется какъ бы въ тѣни, въ далекой перспективѣ; но три фигуры: Принца, директора Пошмана и отца Михаила Богословскаго видятся ясно на первомъ планѣ. Онѣ, какъ три волхва на картинѣ французскаго живописца Портоельса, все время шли впереди, руководимые лучезарною звѣздою и вели насъ чрезъ ночную тьму къ сіяющей Истинѣ — вѣчной и единой!

* * *

Не смотря на то, что Принцъ Петръ Георгіевичъ, Попечитель основаннаго имъ заведенія, по вѣроисповѣданію былъ лютеранинъ, директоръ—католикъ: оба они, всѣми мѣрами, помогали отцу Михаилу вести его дѣло. Ни малѣйшей розни и несогласій; всѣ трое шли къ одной и той же цѣли.

Установленнаго порядка—соблюдать постъ въ среду и пятницу держались въ то время строго; водили насъ всѣхъ въ церковь ко всенощной и къ литургіи; отпускали по воскресеньямъ только послѣ обѣдни до 9-ти часовъ вечера—отчего и самые отпуски эти цѣнились больше. Строгость училищнаго тогдашняго режима заставляла сильно желать хоть краткой свободы, и оставаться «безъ отпуска» считалось въ то время большимъ лишеніемъ.

Вотъ наконецъ наступаетъ этотъ, столь ожидаемый воскресный день! Съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ выходишь изъ церкви и всматриваешься въ пеструю толпу слугъ и служанокъ, покрывающихъ ступени и площадки парадной лѣстницы. Вотъ и моя няня — высокая, неуклюжая, добрая и рябая въ красномъ платкѣ и ситцевой кацавейкѣ.

Тороплюсь какъ можно скорѣе получить отпускной билетъ и, быстро пролетѣвъ Сергіевскую улицу, я уже въ нашемъ уютномъ домикѣ у Таврическаго сада, уже среди семьи, уже дома!

Но на первое воскресенье отецъ пришелъ за мною самъ и этотъ день остался у меня въ памяти. Былъ августъ мѣсяцъ, и погода стояла чудесная. Выйдя изъ Училища, мы съ отцемъ направились въ Лѣтній садъ. Мнѣ было очень неловко въ новомъ мундирѣ, а трехъугольная шляпа все какъ-то сдвигалась на сторону и мѣшала.

Отецъ спросилъ: — умѣешь-ли становиться во фронтъ? я отвѣчалъ: «насъ учили, умѣю». Народу въ Лѣтнемъ саду было много. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ на большой аллеѣ встрѣчаемъ нашего Попечителя, Принца Петра Георгіевича. Вмѣсто того, чтобы повернуться бокомъ, спустить съ праваго плеча шинель и приподнять правую руку къ шляпѣ, какъ въ то время насъ учили дѣлать честь генераламъ, я позабылъ весь этотъ артикулъ, и, не долго думая, снялъ съ головы трехъугольную шляпу и прямо ею сдѣлалъ преусердный поклонъ Принцу. Добрая улыбка Принца была мнѣ отвѣтомъ. Сконфуженный, прошу отца своротить въ боковую аллею, въ надеждѣ тамъ привести въ порядокъ свой костюмъ. Затѣмъ идемъ далѣе и подходимъ къ аллеѣ, назначенной для верховой ѣзды. Здѣсь народу поменьше; конфузъ мой прошелъ, чувствую себя покойнѣе. Начинаю пристальнѣе смотрѣть вдаль и вдругъ испуганному взору представляется скачущій на великолѣпномъ конѣ старый генералъ, а по сторонамъ — двѣ амазонки!

Кто-то подлѣ говоритъ слово: Государь!

Уже различаю густые эполеты и шляпу трехъугольную, длинныя, густыя, бѣлыя перья которой весело играютъ въ воздухѣ. Первымъ дѣломъ было струсить. Я хотѣлъ уже, какъ ребенокъ въ извѣстной нѣмецкой балладѣ «Erlkönig», спрятаться на грудь отца, но

благоразуміе беретъ верхъ и я торжествую. Дѣлаю шагъ впередъ, правая рука летитъ къ верху, шинель съ плеча къ низу, вытягиваюсь въ струнку и въ этой позѣ замираю... Императоръ Николай Павловичъ отдаетъ мнѣ честь, какъ большому, и что-то говоритъ красавицамъ дочерямъ своимъ, Великимъ Княжнамъ Маріи Николаевнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ. Какъ во снѣ, какъ въ волшебномъ видѣніи, кавалькада эта тутъ же скрывается изъ глазъ... Для успокоенія взволнованнаго духа, отецъ ведетъ меня въ кондитерскую въ каменной бесѣдкѣ сада и угощаетъ посыпанными сахаромъ пирожками съ яблочнымъ вареньемъ.

* * *

Принцъ Петръ Георгіевичъ въ первые годы послѣ основанія Училища любилъ посѣщать его очень часто. По всему видно было, что эти посѣщенія ему самому доставляли то удовольствіе, которое испытывали родители, допускавшіеся въ опредѣленный день недѣли къ свиданію съ дѣтьми своими. Между любовью Принца къ Училищу и любовью родителей къ своимъ дѣтямъ было вѣдь такъ много общаго!

Правовѣды того времени конечно помнятъ это доброе старое время, помнятъ всѣ проявленія этой глубокой привязанности со стороны ихъ Попечителя и навѣрно не утратятъ память о ней до послѣднихъ дней жизни.

Въ воспоминаніяхъ о Сѣровѣ*) я уже имѣлъ случай говорить про музыкальные вечера, которые все Училище in corpore проводило въ стѣнахъ дома Его Свѣтлости, на набережной Невы, близъ Лѣтняго сада. Сколько довольства судьбою, сколько счастія разлито было на юныхъ лицахъ, когда мы свободно и весело расхаживали по дорогимъ коврамъ большихъ роскошныхъ залъ и любовались нашими миніатюрными фигурками, отражавшимися, со множествомъ огней, въ огромныхъ отъ потолка до пола зеркалахъ гостепріимнѣйшаго дома.

Нѣкоторые изъ этихъ вечеровъ особенно какъ-то врѣзались въ памяти, такъ напримѣръ вечеръ съ вантрилокомъ. Дѣло было зимою. Стояли морозы. Насъ въ каретахъ доставили во дворецъ Его Свѣтлости. Въ высокихъ, ярко освѣщенныхъ залахъ было такъ тепло, такъ весело, такъ уютно. Было много цвѣтовъ, пахло гіацинтами. Всѣ правовѣды разбрелись по комнатамъ. Принцъ довольный, молодой и счастливый ходилъ между нами съ С. А. Пошманомъ подъ руку. Супруга Принца, окруженная семействомъ, съ какою-то маленькою дамскою работою въ рукахъ, сидѣла тутъ-же. Кто-то изъ лучшихъ училищныхъ піанистовъ, если не ошибаюсь, Платонъ Вакаръ, игралъ на рояли.

---

*) «Русская Старина». Августъ, 1883 г.

Принцесса и дѣти ея со вниманіемъ слушали талантливаго исполнителя. Когда игра кончилась, повели всѣхъ къ роскошному чаю. Затѣмъ въ залахъ сдѣлалась какая-то суета, образовался плотный кружокъ около господина въ бѣломъ галстухѣ и черномъ фракѣ. Всѣмъ хотѣлось знать, кто сей никому не извѣстный и откуда онъ попалъ сюда?

Оказалось, что это нѣкто Herr Storch—вантрилокъ, чревовѣщатель — тогда казавшійся намъ чародѣемъ, какимъ-то магомъ. Тогда это насъ ужасно занимало. Господинъ Шторхъ становился лицомъ къ стѣнѣ, поднимался на табуретку, ударялъ черной палочкой въ стѣну и задавалъ вопросъ:—Bist du hier?—Oh! ja. Ich bin hier! было отвѣтомъ.—Wie lange ist es dass du deutsch lernst?—Es sind nur zwei Jahre и т. п.

Воспитатель Е. Я. фонъ-Дерингъ, онъ же преподаватель физики, старался намъ тутъ же объяснить этотъ фокусъ,—но тогда было не до слушанія. Потомъ дѣло объяснилось очень просто: вся задача въ томъ, что вантрилокъ долженъ особенно искусно владѣть своимъ дыханіемъ. Для этого онъ набираетъ въ легкіе какъ можно болѣе воздуха, и потомъ, производя звуки такъ же, какъ и всѣ другіе люди, помощью гортанныхъ мускуловъ и нёба выдыхаетъ воздухъ особенно ловко, такъ что звукъ кажется выходящимъ не изъ груди человѣка. Но такъ какъ вантрилоку необходимо шевелить хоть нѣсколько губами, то онъ, чтобы сохранить престижъ,

старается не показывать лица своего публикѣ и для того обращаетъ его напр. къ стѣнѣ, или къ окну, или къ открытому шкафу. А такъ какъ вниманіе присутствующихъ въ то время обращено на отысканіе предмета, откуда голосъ выходитъ, то это и помогаетъ вантрилоку выпутываться изъ своего затруднительнаго положенія и весело занимать почтенную публику.

Потомъ остался въ памяти еще одинъ вечеръ, на которомъ юношество, вполнѣ довольное своею судьбою, какъ-то особенно веселилось. Вдругъ подходитъ къ Принцу одинъ изъ его адъютантовъ и говоритъ что-то ему на ухо. Его Свѣтлость тотчасъ идетъ въ свои комнаты, а за нимъ удаляется и все его семейство. Насъ наскоро строятъ въ ряды и ведутъ къ выходу. Все какъ-то пріумолкло, всѣ чего-то ждали. Мы вышли на улицу и что за величественная и дивная картина представилась глазамъ нашимъ! На темномъ зимнемъ небѣ сіяли звѣзды! Нева и противуположный ея берегъ были покрыты бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ; и все это — и небо, и земля, и снѣгъ, и бѣлый ледъ на рѣкѣ крайне эффектно отражали на себѣ пурпурово-розовый свѣтъ, какъ будто въ зимнюю темную ночь откуда-то всходило красное солнце. Мы были поражены этой картиной, но еще шагъ—и недоумѣніе исчезло. Объятый огнемъ пылалъ Зимній дворецъ, и пламенемъ своимъ освѣщалъ всю окрестность. До насъ не доносилось ни одного звука; все

было кругомъ тихо и неподвижно. Потомъ, куранты на Петропавловской крѣпости затянули свою унылую пѣсню.

Мы глазъ не могли отвести отъ огненной картины и не хотѣли идти домой, не смотря на то, что морозъ былъ сердитый. Эй! господа, домой! прогремѣлъ грозный голосъ Семена Антоновича и всѣ, послушные этому воинственному гласу, скорыми шагами пошли къ Прачешному мосту.

* * *

Тихо и мирно текла училищная жизнь. Работа смѣнялась отдыхомъ; лѣтомъ гуляли въ саду, зимою—по скользскому льду катались на конькахъ. Прилежно посѣщали классы танцевъ, фехтованія, гимнастики, пѣнія. Были большіе силачи: Оголинъ старшій, Прейсъ, Насакинъ, Пребстингъ. Но все-таки съ нетерпѣніемъ ожидали конца недѣли. Одно время начальство требовало, чтобы вечерніе часы субботы, послѣ всенощной, воспитанники проводили въ рекреаціонныхъ залахъ; мы же, съ своей стороны, находили, что гораздо удобнѣе проводить ихъ въ классахъ, и отсюда большія недоумѣнія. Воспитанники заберутся въ классъ и сами зажгутъ лампы; ламповщикъ, маленькаго роста, коренастый, въ рыжемъ парикѣ и длиннополомъ сѣромъ, съ металлическими пуговицами фракѣ, прихо-

дитъ тушить ихъ; въ него со всѣхъ сторонъ и концевъ класса летятъ метательные снаряды (книги, пенали) и онъ спасается бѣгствомъ, не одержавъ побѣды. Нѣсколько минутъ общее торжество и ликованіе!

* * *

Если объемъ и курсъ ученія не былъ такъ обширенъ, какъ теперь, то, когда мы были въ Училищѣ, очень много времени посвящалось чтенію. Въ нѣкоторыхъ классахъ были свои библіотеки. Каждый воспитанникъ вносилъ въ мѣсяцъ извѣстную сумму, кажется по два рубля, пріобрѣтались всѣ лучшія произведенія русской, французской и нѣмецкой литературы, и потомъ, при выпускѣ, книги эти дѣлились по жребію. Романы англійскіе Вальтеръ-Скотта, Копера и Маріетта, въ французскихъ переводахъ Defaucompret, были излюбленнымъ чтеніемъ. Но само собою разумѣется, что прежде всего читались корифеи русской словесности: Пушкинъ, Марлинскій, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковскій, Лажечниковъ, Масальскій, Денисъ Давыдовъ съ его—

«Бурцовъ, ёра забіяка, собутыльникъ дорогой,
Ради рома и арака—посѣти домишко мой».

Въ классѣ пробовали одно время издавать сборникъ собственныхъ произведеній, но это дѣло въ ходъ не

пошло, по строгости ли училищной цензуры или за неявкою редактора—неизвѣстно.

* * *

Но если такъ позволяли услаждаться пищею духовной—чтеніемъ, то питаніе тѣла физическаго происходило весьма неудовлетворительно. Жиденькій ячменный кофе съ молокомъ ожидалъ насъ утромъ въ столовой, а булки, съ виду красивыя, имѣли свойство хорошей воды, то есть, не имѣли никакого вкуса. Обѣды, хотя состояли изъ трехъ, а ужины изъ двухъ блюдъ, но или брались не совсѣмъ хорошіе припасы, или недоставало умѣнья приготовлять ихъ, только частенько неудобно было ихъ ѣсть, и тогда столовая дѣлалась невольною зрительницею великихъ бурь и смятеній. Два раза въ недѣлю давался рыбный столъ, но этихъ несчастныхъ сиговъ и судаковъ желудки наши принимать отказывались. Обѣдомъ еще коекакъ довольствовались, но это были именно ужины, которыми искушалось терпѣніе наше.

Послѣ дневныхъ трудовъ и игръ, къ вечеру молодыя силы требовали пищи, и за неудовлетворительностію ея, силы эти выступали наружу, прорывали, какъ вода плотину—училищную дисциплину и бушевали.

Начиналось обыкновенно топаньемъ ногъ, потомъ руки, вооруженныя вилками и ножами поднимали такой стукъ по графинамъ и тарелкамъ, такую музыку,

A. Brandenburg

которая едвали уступала визгу и гаму вальпургіевой ночи. Затѣмъ, какъ послѣ особенно удачнаго представленія выкликаютъ шумными криками лучшихъ артистовъ, такъ среди топота ногъ и сильнѣйшихъ рукоплесканій начинали вызывать злосчастнаго эконома. Когда убѣжденія дежурныхъ воспитателей не дѣйствовали,—да и какъ они могли дѣйствовать въ это смятеніе языковъ,—тогда прибѣгали къ крайней мѣрѣ: извѣщали директора—и появленіе Семена Антоновича мгновенно укрощало бурю! Магическое: Эй, господа! это что такое? смиряло всѣхъ, все умолкало; все покорялось этой твердой власти и съ легкимъ желудкомъ отправлялось въ спальни предаваться сну и покою.

Эта неудовлетворительность пищи служила однакоже источникомъ дохода для сторожей и дядекъ. Не смотря на строгое запрещеніе проносить воспитанникамъ что-либо съѣстное, служителя не могли устоять противъ искушеній гонорара, ходили въ лавки за покупками и, такимъ образомъ, увы!. въ домѣ закона водворялась контрабанда. Ставились отъ начальства вѣрные стражи у воротъ и входныхъ дверей, чтобы осматривать карманы дядекъ, но все было напрасно: ситники (продолговатые хлѣбы изъ пеклеванной муки) съ семгой или сыромъ проносились въ рукавахъ, за пазухой, за обшлагами, въ сорныхъ ящикахъ и даже за голенищами сапогъ!

Потомъ однако же начальство сдѣлало нѣкоторую уступку, дозволивъ въ постные дни недѣли посылать въ булочную Иванова, у Симеоновскаго моста, за выборгскими булками и кренделями. А потомъ уже, силою вещей, стали появляться отъ того же Иванова вкусныя кулебяки съ хорошими сигами.

Вечерній чай съ булками начали давать только съ декабря 1843 года, а до тѣхъ поръ послѣ вечернихъ классовъ предлагали ржаной хлѣбъ съ масломъ. Эти ломти хлѣба съ масломъ воспитанники любили класть въ отдушники аммосовскихъ печей, чтобы масло растаяло и разогрѣлось, и въ такомъ видѣ скромная ѣда казалась вкуснѣе, но зато, часто, по классу распространялся непріятный запахъ горѣлаго масла.

Вспоминая объ этомъ недостаточномъ кормленіи будущихъ юристовъ, я никакъ не имѣю въ виду наводить тѣнь на лицъ, завѣдывавшихъ тогда продовольственною частію училища. Нѣтъ, они не были повинны въ этомъ, да кажется и не могли быть, потому что Семенъ Антоновичъ Пошманъ былъ не такой человѣкъ, у котораго какой-нибудь экономъ могъ безнаказанно грѣть руки у казенныхъ припасовъ; нѣтъ! а вѣрнѣе, что самъ директоръ не прочь былъ внести въ дѣло воспитанія немножко спартанскаго элемента, чтобы закалить насъ противъ невзгодъ и лишеній, могущихъ встрѣтиться въ жизни. Говорили также, что онъ, увлеченный усердіемъ къ службѣ, дѣ-

лалъ большія сбереженія отъ суммъ, отпускавшихся на содержаніе воспитанниковъ, и, что потомъ, эти сбереженія пошли на пристройки флигелей и зданій. Съ теченіемъ времени этотъ спартанизмъ началъ помаленьку слабѣть и къ вящему удовольствію воспитанниковъ, стали появляться нѣкоторыя льготы, которыя въ первые годы не допускались. Такъ напр. цѣлому классу предоставлялось право сдѣлать себѣ угощеніе, къ которому каждый изъ участвующихъ могъ пригласить своего друга или маленькаго protégé изъ другого класса. Это было очень мило. Основаніемъ къ подобному фестивалю служило желаніе одного изъ товарищей отпраздновать день своего ангела, или, что случалось чаще, просто классъ дѣлалъ складчину и такимъ образомъ доставлялъ себѣ и развлеченіе и удовольствіе. Угощенія эти обыкновенно происходили вечеромъ, послѣ классовъ и заключались въ вареномъ на молокѣ шоколадѣ, неизбѣжныхъ выборгскихъ булкахъ, слоенныхъ пирожкахъ и яблокахъ и пр. Если сами воспитанники не избирали изъ среды себя хозяевъ-распорядителей, то все это дѣло поручалось училищному эконому, который заказывалъ пирожное казенному повару и самъ уже распоряжался расходованіемъ денегъ и закупкою припасовъ.

Вотъ одинъ изъ сохранившихся счетовъ, поданный нашему классу экономомъ Мироновымъ (по счету на серебро):

Шоколаду 4 фунта по 50 к.	2 р.		
Молока 3 ведра по 55 к.	1 »	65	к.
Яицъ 30 штукъ.	— »	39	»
Сахару 5 фунтовъ.	1 »	—	»
Пирожное:			
Муки одинъ пудъ.	1 »	75	»
Масла чух. 12 фунтовъ.	1 »	42	»
Яблоковъ четверикъ	1 »	—	»
Яицъ тридцать штукъ	— »	39	»
Сахару 2 фунта.	— »	40	»
Булки выборгскія 60 штукъ по $11^{3}/_{7}$ к.	6 »	98	»
Яблоковъ 140 ш. по 10 к. д. . . .	1 »	40	»
Всего . . .	18 р.	48	к.

Вечера эти остряки называли эстетическими вечерами и если устройствомъ ихъ занимались выборные отъ класса, то имъ предшествовали какія-нибудь забавныя шутки, на которыя всегда въ классѣ находились мастера. Уцѣлѣло приглашеніе на одно изъ такихъ угощеній, на которомъ внизу была надпись: «передавай дальше».

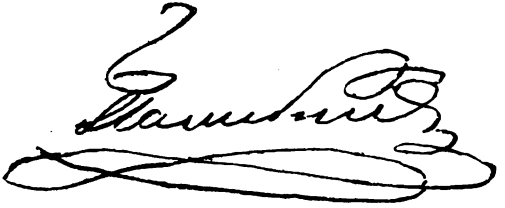
Оно начиналось такъ:

№ 25689.

Прокламація!

Господа воспитанники IV класса

Salutem dico!



и послѣ самаго приглашенія, наполненнаго остротами и каламбурами, слѣдовали подписи церемоніймейстера и его помощниковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, способствовало къ товарищескому сближенію не только одного, но и всѣхъ классовъ и развивало духъ дружества, къ которому такъ тяготѣютъ дѣти, удаленные на время отъ родительскаго дома.

* * *

Но годы шли,—всѣ лучшіе годы! Многимъ изъ нашего класса подходилъ уже 20-й годъ, наступало совершеннолѣтіе. Молодость брала свое; желалось бо̀льшей свободы, и невинное угощеніе шоколадомъ въ стѣнахъ казенной столовой уже оказывалось недостаточнымъ, неудобнымъ. Избытокъ силъ нравственныхъ и физическихъ искалъ выхода, просился наружу, и этой, разъ въ жизни бывающей молодости, приносились жертвы полныя огня увлеченія, отваги!...

Такимъ образомъ, появилась мысль объ устройствѣ ж ж ё н о к ъ, которой и придано было тотчасъ-же соотвѣтствующее исполненіе. У одного изъ способнѣйшихъ, симпатичныхъ товарищей нашего класса, Степана Могилевскаго, былъ въ Измайловскомъ полку каменный, одноэтажный домъ. Домомъ этимъ завѣдывалъ и мирно жилъ въ немъ со своею женой старухой, какъ Ѳилемонъ съ Бавкидой, управляющій, какой-

то отставной чиновникъ, большой добрякъ и трудяга. Къ этому своему управляющему Могилевскій ходилъ въ отпускъ, и у него въ двухъ маленькихъ чистенькихъ комнаткахъ устраивали мы, какъ мы тогда называли ихъ—Аѳинскіе вечера, всегда наканунѣ двухъ праздничныхъ дней.

Участвующіе—зимнею, лунною ночью, по хрупкому снѣгу—веселою толпою шли бодро по Фонтанкѣ къ Измайловскому мосту.

Молодыя ноги такъ легко ступали, будто летѣли. Незамѣтно, шутя и балагуря, съ трепетнымъ сердцемъ подходили мы къ завѣтной калиткѣ. Ставни были прикрыты, но внутри, въ ожиданіи гостей, уже давно:

«Чертогъ сіялъ! Огни горѣли!...»

Бавкида отворяла дверь, Ѳилемонъ, всегда веселый и добродушный, встрѣчалъ веселыхъ гостей у порога, приговаривая: «добро пожаловать, милые гости, милости просимъ» и т. д.

Мы садились къ столу, подавался блестящій самоваръ и начинался вечеръ чаепитіемъ. Затѣмъ часа два-три проходило въ куреніи, рѣдко въ карточной игрѣ, всегда въ шуткахъ и остротахъ. Душѣ здѣсь, въ тѣсныхъ комнаткахъ, дѣлалось просторно; она была на волѣ! Потомъ, къ двѣнадцати часамъ ночи, предлагался приготовленный искусными руками Бавкиды хозяйки превкуснѣйшій ужинъ, состоявшій (какъ въ Училищѣ) изъ двухъ блюдъ, но совершенно въ дру-

гомъ родѣ. Ставился на столъ, напр., пирогъ или паштетъ весьма почтенныхъ размѣровъ съ дичью, и потомъ бифштексъ или росбифъ. Затѣмъ, когда желудокъ получалъ, такимъ образомъ, полное удовлетвореніе, то у насъ—не какъ у французовъ, у которыхъ: après la panse vient la danse,—у насъ après la panse venait jouissance. Вслѣдствіе этого на столѣ появлялась чисто-начисто вычищенная мѣдная кастрюля, на половину наполненная ромомъ. Поверхъ этого вмѣстилища полагались двѣ шпаги; огни тушились, облитый ромомъ сахаръ загорался голубымъ пламенемъ, и счастливые неисчерпаемымъ веселіемъ духа, молодостью и тѣсною дружбою,—мы блаженствовали! Лица юношей, освѣщенныя таинственнымъ отблескомъ голубого огня, выражали дѣйствительно полную мѣру земного благополучія!

Но къ домашнимъ пенатамъ въ ту ночь мы возвращаться уже не могли, и только тогда,

«Когда выходила изъ мрака младая,
«Съ перстами пурпурными, Эосъ»,

выходили и мы изъ нашего завѣтнаго домика, давшаго молодымъ чувствамъ столько радости и простора, душамъ столько счастья и веселья, и, пожимая крѣпко другъ другу руки, расходились по домамъ, по разнымъ дорогамъ.

Сохранилась запись расхода одного изъ такихъ аѳинскихъ вечеровъ—по счету еще на ассигнаціи.

Вотъ она:

Пять бутылокъ рому 17 р. 50 к., пять бутылокъ лафиту 17 р. 50 к., 10 ф. сахару 10 р., шесть лимоновъ 1 р. 20 к.; затѣмъ паштетъ 5 р. 60 к., бифштексъ 2 р. 10 к., 1/2 штофа допель-кюмеля 2 р. 97 к., два фунта швейцарскаго сыру 3 р., итого 59 р. 88 к.

Въ тотъ вечеръ насъ было семеро: Львовъ, Менгденъ, Могилевскій, Молчановъ, Набоковъ 1-й, Набоковъ 2-й и Эссенъ.

* * *

За полъ-вѣка много воды утекло! Науки и методъ ихъ преподаванія во многомъ измѣнились, ушли впередъ, расширились, распространились.

Но въ наше время, по правдѣ сказать, излишнею ученостью насъ не томили. Курсы были очень сжаты, изъ рамокъ программы выходить строго запрещалось. Методъ усвоенія знаній заключался главнѣйшимъ образомъ въ заучиваніи наизусть. Разработка по иностраннымъ источникамъ встрѣчалась какъ явленіе исключительное; придерживались строго избраннымъ начальствомъ печатныхъ руководствъ и одобренныхъ литографированныхъ записокъ. Диссертацій не писали. Въ младшемъ, гимназическомъ курсѣ изъ древнихъ языковъ преподавался только латинскій.

Была разъ попытка ввести и греческій, начали альфа, бета, гамма, детта, — но убоялись излишней премудрости и воздержались; дальше не пошли.

Преподаваніе религіи отличалось живымъ интересомъ, какъ по развитому, въ тѣ времена, вообще, въ людяхъ чувству вѣры, такъ и по способу изложенія. Отецъ Михаилъ умѣлъ всѣмъ отдѣламъ духовной науки придать жизнь и занимательность. Когда онъ входилъ въ классъ, всѣ подходили къ нему подъ благословеніе и цѣловали его руку.

Исторія христіанской церкви съ ея гоненіями и преслѣдованіями, исторія вѣроисповѣданій съ ея схизмами и сектами, все это съ напряженнымъ вниманіемъ слушалось всѣми: отъ усерднаго до лѣниваго включительно.

Логика—наука мышленія и психологія—наука о душѣ и ея свойствахъ также поручены были тому же отцу Михаилу и онъ и здѣсь всегда умѣлъ выходить побѣдителемъ.

Въ высшемъ, университетскомъ курсѣ много оживленія придавали практическія занятія дѣлопроизводствомъ. Привозились изъ Сената старыя дѣла, составлялись доклады, писались рѣшенія будущими секретарями и судьями. Философія права однако же за порогъ Ѳемидина храма не пропускалась; вообще въ наукѣ о мудрости нужды не чувствовалось. Ощущалась великая потребность въ честныхъ, развитыхъ, непод-

купныхъ судебныхъ дѣятеляхъ и Училище Правовѣдѣнія давало ихъ щедрою, открытою рукою. Затѣмъ, если оглянуться назадъ и мысленнымъ взоромъ окинуть всю эту въ вѣчность отшедшую фалангу бывшихъ профессоровъ, учителей и наставниковъ, сколько типовъ представится глазамъ нашимъ. Да, именно типовъ, и такихъ, которыхъ теперь уже не встрѣчаешь.

Кто изъ насъ, уцѣлѣвшихъ, не помнитъ напр. полковника корпуса путей сообщенія, а нашего преподавателя географіи и статистики Вранкена, высокаго, дороднаго, въ синихъ очкахъ на большомъ выдающемся носѣ, но добрѣйшаго изъ смертныхъ и всегда готоваго, при самомъ строгомъ и серьезномъ выраженіи лица, отпустить остроту, которая тотчасъ же вызывала общій неудержимый смѣхъ всего класса.

Кто не помнитъ профессора римскаго права Шнейдера, прямого и величаваго, которому не доставало только римской тоги, чтобы выйти на форумъ и, простерши руку, держать рѣчь къ народу. В. В. Шнейдеръ одновременно былъ и директоромъ 3-й гимназіи, и лекторомъ римскаго права въ Правовѣдѣніи, и когда онъ входилъ на каѳедру, то я часто вспоминалъ директорскую его квартиру въ гимназіи, перепетіи, испытанныя мною при склоненіи памятнаго Illud magnum mare и, какъ заключеніе, мои дѣтскія, обильныя слезы.—Шнейдеръ былъ большой латинистъ, читалъ свой предметъ съ пріемами опыт-

наго оратора и особенно выразительно, какъ бы подчеркивая, произносилъ фразу: Justitia est constans et perpetua voluntas jus sui quique tribuendi!

А потомъ заслуженный профессоръ россійской словесности и изящныхъ искусствъ—почтеннѣйшій Петръ Георгіевичъ Георгіевскій, учитель Пушкина и нашъ! Съ совершенно особою прической, въ вицмундирѣ, всегда въ большомъ туго-накрахмаленномъ жабо, входилъ онъ на каѳедру покашливая, привѣтливо кивая головою на всѣ стороны и награждая всѣхъ добродушнѣйшею улыбкой. Увы! мы не цѣнили тогда эту доброту и мягкость и по словесности русской не оказывали большихъ успѣховъ. Но Петръ Георгіевичъ относился къ дѣлу честно и сдерживалъ молодые умы, напояя ихъ студеными струями произведеній Ломоносова, Державина, Озерова, Хераскова, Димитріева и другихъ той же эпохи. Затѣмъ, Ѳеофилактъ Лукичъ Малиновскій — своеобразнѣйшій преподаватель законовъ межевыхъ. Онъ тотчасъ же становился съ воспитанниками на самую пріятельскую ногу, обходился съ нами, а равно и мы съ нимъ, совершенно по-товарищески. Другого у него балла не было какъ полные 12-ть.

А всѣ прочіе другіе—развѣ это не были типы добраго, стараго времени?

Гриммъ, воплощенная латынь, худой, чахоточный, высокій, со впалою грудью и глухимъ надорваннымъ

голосомъ. Германецъ Штекгардтъ, небольшого роста, въ новомъ вицмундирномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и жилетѣ, всегда съ живыми, проницательными карими глазками, быстрый въ движеніяхъ, читавшій своимъ ученымъ нѣмецкимъ языкомъ пропедевтику и энциклопедію права!—А уроженецъ Парижа Allier, а Геншель со своими остзейскими правами, а добрѣйшій Вас. Ив. Уткинъ, преподававшій политическую экономію и сельское хозяйство, а Александръ Ив. Брутъ, читавшій исторію—добрый, тихій, всегда невозмутимый, а Никифоръ Алексѣевичъ Палибинъ профессоръ государственнаго права — человѣкъ правдивый, съ приличными манерами и гордой осанкой при весьма невысокомъ ростѣ. Какъ звучно при общей тишинѣ неслась его рѣчь, когда увѣреннымъ голосомъ онъ провозглашалъ:

«Императоръ всероссійскій есть монархъ неограниченный и самодержавный, коему повиноваться не «только за страхомъ, но и за совѣстью самъ Богъ повелѣваетъ!»—и слово «Богъ» произносилось съ такимъ паѳосомъ, что оно невольно западало въ душу каждаго изъ слушателей. Но, довольно! Всѣ они у насъ въ твердой памяти и мы никогда, никогда учителей этихъ нашихъ не забудемъ и забыть не можемъ. И всѣмъ этимъ дорогимъ тѣнямъ, теперь, въ моемъ уединеніи и въ ночной тишинѣ—какъ бы предо мною стоящимъ, — глубокій поклонъ въ поясъ! Учили они

насъ уму-разуму сколько Богъ имъ полагалъ на душу и сколько требовалось временемъ и обстоятельствами. Но не въ сообщеніи однѣхъ научныхъ свѣдѣній видѣли честные труженики свою задачу; нѣтъ! какъ справедливо сказалъ К. П. Побѣдоносцевъ въ день 25-лѣтняго юбилея Училища Правовѣдѣнія:

«Они влагали въ юныя души наши: добрую мысль, «доброе слово, доброе преданіе, завѣтъ добрый. Они не «говорили намъ: наслаждайтесь жизнію и таитесь, когда «увидите зло и беззаконіе; вѣдайте бумагу, не тревож«тесь о живомъ человѣкѣ. Нѣтъ! не домомъ соблазни«телей былъ для насъ этотъ домъ, а домомъ учи«телей! Насъ отпускали со словомъ союзъ, но гово«рили, что союзъ для труда, а не для почетныхъ на«слажденій».

Вотъ за эти-то честные взгляды на служебную дѣятельность, за это указаніе на трудную борьбу со зломъ и неправдой, которая многимъ старымъ Правовѣдамъ стоила, можетъ быть, жизненныхъ силъ и здоровья, а навѣрно выгодъ и лучшихъ положеній—и преклоняемъ мы головы и выи наши предъ отшедшими пастырьми и учителями! Надо помнить, что и для нихъ, по крайней мѣрѣ для многихъ изъ нихъ, въ то особое время путь былъ труденъ, дорога терниста по разнымъ причинамъ... Но что же, будемъ ли скорбѣть о семъ? Нѣтъ! чѣмъ тяжелѣе была задача, чѣмъ

дѣло хитрѣе—тѣмъ больше почтены они будутъ славой и бо̀льшей наградой.

* *
*

Не смотря на то, что вообще не очень-то налегали на наши силы, зачастую случалось, что зубрить вовсе не хотѣлось. Не всегда только лѣнь, а иногда какое-либо домашнее тревожное обстоятельство, ожиданіе какого-либо событія, или просто легкое нездоровье дѣлали то, что книга падала изъ рукъ и не было никакой охоты готовить заданный урокъ. Тогда, въ такихъ случаяхъ, спасительнымъ средствомъ являлось «бѣгство въ лазаретъ».—Это была самая надежная пристань для всѣхъ судовъ поврежденныхъ и слабыхъ. Когда темная туча, виднѣвшаяся на горизонтѣ, угрожала дурнымъ балломъ и лишеніемъ отпуска, тогда, тотчасъ появлялись разныя острыя боли: зубная, сильная головная и т. п., которыя требовали необходимаго удаленія изъ класса въ больницу.

Но преподаватель уходилъ—и всѣ недуги уносилъ съ собою; больные приходили исцѣленными. Кромѣ больницы, спасительными станціями служили: дортуары, чужіе классы, корридоры, комната, гдѣ висѣли шинели, и, въ крайнихъ случаяхъ, аммосовскія печи!

Склонность нѣкоторыхъ къ dolce far niente и лѣни заставила ихъ изобрѣсти довольно остроумный спо-

собъ къ облегченію себя на экзаменахъ. Писались на продолговатыхъ, сложенныхъ, примѣрно въ дюймъ, бумажкахъ, отвѣты, которыя (бумажки) и передавались вызванному, когда онъ шелъ обдумывать, приготовлять отвѣтъ свой.

Бумажки эти носили разныя названія. Одни ихъ называли подкидышами, другіе—войлоками; въ нашемъ классѣ онѣ назывались патфайндерами, вѣроятно потому, что такъ же ловко скрывали слѣды незнанія и лѣности, какъ извѣстный слѣдопытъ (pathfinder), въ романѣ Купера, скрывалъ слѣды своихъ ногъ отъ ирокезовъ, могиканъ и заклятыхъ враговъ своихъ, «черныхъ дьяволовъ мингосовъ».—Подкидыши, если экзаменаторъ довольствовался простымъ отвѣтомъ на полученный воспитанникомъ билетъ, облегчая память, дѣйствительно нѣсколько помогали «въ минуту жизни трудную», но если, что случалось очень часто, предлагали отвѣчающему другіе побочные вопросы, тогда, само собою разумѣется, незнаніе всплывало наружу и уже никакой pathfinder, хотя бы взятый прямо съ береговъ Онтаріо, не могъ спасти бѣднаго юношу отъ полнѣйшаго фіаско.

* * *

См. Для немногихъ. Отрывки изъ школьнаго дневника стр. 28, изд. 1885 г.

Во время чтенія лекцій, начальство старалось чтобы теорія шла рука объ руку съ практикой; такъ, при преподаваніи межевыхъ законовъ, намъ нужно было видѣть, какъ дѣйствуютъ межевщики и землемѣры при проведеніи границъ владѣнія и раздѣленія земель на участки.

И вотъ весь классъ собирается на межевку. Противъ Училищнаго дома на Фонтанкѣ ждутъ уже ялики; въ нихъ сносятся мензулы, астролябіи, цѣпи. Садятся съ нами: полный тѣломъ Ѳеоѳилактъ Лукичъ— преподаватель межеванія и классный нашъ воспитатель Lustonau, служившій въ войскахъ Наполеона I-го, и послѣ Бородинскаго погрома, непожелавшій возвратиться во Францію.

Мы отчаливаемъ и направляемся къ Каменному острову или къ другой какой-либо прибрежной мѣстности на Малой Невкѣ.

Проработавъ часа два—три на чистомъ воздухѣ, направляемся всей братіей въ какой-нибудь незатѣйливый трактирчикъ и тамъ угощаемся чаемъ, подчуя имъ и добрѣйшаго нашего воспитателя Лустоно и добродушнѣйшаго Ѳеоѳилакта Лукича.

При преподаваніи судебной медицины сочли необходимымъ водить насъ на секціи труповъ. Помню хорошо нашъ первый визитъ съ этою цѣлію въ Маріинскую больницу на Литейной.

Дядька несъ за нами порядочное количество бутылокъ краснаго вина, и когда мы вошли въ комнату

Проспект фро Ла Шульникъ

предъ препаровочной (такъ кажется называется помѣщеніе, гдѣ производятся секціи), то намъ, для приданія бодрости, предложили по большой порціи лафита. Затѣмъ ввели насъ, не совсѣмъ безъ страха, въ юдоль смерти и науки.

На узкомъ, длинномъ, высокомъ столѣ лежалъ кто-то недвижимо, покрытый пеленою. Всѣ пятились, никто впередъ не проходилъ. Но потомъ все-таки нашелся смѣльчакъ, рѣшившійся подойти и приподнять завѣсу... Ликъ смуглый и суровый какъ будто чѣмъ-то недовольный, можетъ быть тѣмъ, что нарушили его покой.

Пахнуло на всѣхъ смертью. Собрались фельдшера; пріѣхалъ, читавшій намъ судебную медицину докторъ Спасскій. Операція началась; чья-то опытная рука подрѣзала вокругъ головы кожу и ее, эту съ короткими на ней волосами кожу, какъ пластырь какой-то, какъ горчичную ветошь приподняла, откинула назадъ и бережно опустила на изголовье. Юристы переглянулись. Затѣмъ, когда вооруженный стальною острою пилою фельдшеръ сталъ съ визгомъ водить по черепу уснувшаго на-вѣки паціента, то тѣ изъ насъ, которые были поближе къ выходу и посмѣлѣе (конечно, относительно нарушенія дисциплины) шмыгъ въ дверь и поминай какъ звали...

* * *

Нельзя спорить противъ того, что однообразное распредѣленіе дня, одинаковость пищи и одежды, установленный для двухсотъ юношей одинъ и тотъ же образъ жизни—должны имѣть вліяніе на всю массу воспитывающихся и отзываться на ихъ нравахъ и свойствахъ. Но, не смотря на общій духъ, присущій заведенію, все-таки каждый классъ, какъ отдѣльная корпорація отъ 20-ти до 30-ти молодыхъ людей, имѣетъ свои особыя черты, отличающія ее отъ другихъ такихъ-же корпорацій.

Это различіе главнѣйше зависитъ отъ того добраго или недобраго элемента, который, такъ сказать, родится съ классомъ при первоначальномъ его вступленіи въ Училище. Затѣмъ большое вліяніе на образованіе этого элемента и усвоеніе его всею корпораціею имѣютъ двѣ или три личности изъ воспитанниковъ, часто ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ не отличающіяся, но тѣмъ не менѣе руководящія мнѣніемъ товарищей, и потомъ уже, какъ дополненіе на сформированіе этого духа, вліяетъ и воспитатель, принявшій классъ при поступленіи и доведшій его до выпуска.

Но этотъ особый характеръ того или другого класса, столь замѣтный для лицъ близко стоящихъ къ воспитанникамъ и для самихъ воспитанниковъ—анализу или описанію не поддается—и желающему сказать что-либо о тогдашнемъ направленіи юношества остается только касаться общихъ чертъ, общаго духа,

въ то время между Правовѣдами господствовавшаго. И для этого мы прежде всего должны задать себѣ вопросъ: тогдашніе юноши, дѣти двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, были ли они лучше нынѣшнихъ? Позволимъ себѣ отвѣтить на это отрицательно.—Нѣтъ—лучше они не были.

Они были дѣтьми своего времени, они были плодомъ тѣхъ началъ и явленій, на которыхъ твердо стояло общество той эпохи. Мы родились, и выросли, и возмужали на крѣпостномъ правѣ. Россія 30-хъ и 40-хъ годовъ была не та, какою она стала послѣ севастопольскаго погрома и послѣ всѣхъ перемѣнъ и преобразованій, послѣдовавшихъ за воцареніемъ Императора Александра Николаевича.

Незамѣтно и неуловимо отъ отца, главы семейства, переходятъ къ дѣтямъ главныя черты его характера, его крупныя душевныя качества. Опираясь на эту истину, мы не сдѣлаемъ можетъ быть ложнаго заключенія, если допустимъ, что и глава государства передаетъ всему народу, особенно сословію ближе къ Престолу стоящему, свои взгляды и—дерзну сказать—свои чувства.

Императоръ Николай Павловичъ, державшій твердою рукою бразды правленія, былъ — Царь-рыцарь. Суровость и строгость мѣръ предпринимаемыхъ имъ для охраненія неприкосновенности верховной власти нисколько не умаляли благородства чувствъ, высокаго

понятія о данномъ словѣ, о великодушіи, о прямотѣ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Этими свойствами кажется всѣ тогда жили, ихъ, должно быть, въ тѣ отдаленныя времена съ воздухомъ вдыхали.

Этой страстной погони за чинами, за карьерой, за богатствомъ, за обстановкой не было. Жили проще, довольствовались меньшимъ. А это довольство меньшимъ дѣлало то, что и отцы, и матери, и дѣти были добрѣе, жили дружнѣе, давали болѣе мѣста чувствамъ, нежели практическимъ цѣлямъ и сторонамъ жизни.

Если за дворянскимъ сословіемъ того времени необходимо признать какъ господствовавшія свойства: честность и прямодушіе, довѣріе и дружбу, общительность и хлѣбосольство, то за нимъ же необходимо признать суровое, часто тираническое отношеніе къ крѣпостнымъ своимъ подданнымъ, къ своимъ обездоленнымъ, беззащитнымъ крестьянамъ!...

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, какъ извѣстно, для основанія Училища Правовѣдѣнія изволилъ пожертвовать значительный капиталъ, и этотъ способъ открытія воспитательнаго заведенія являлъ уже собою хорошій примѣръ, представляя добро не на словахъ, а на дѣлѣ. Затѣмъ душевныя свойства Попечителя и то положеніе любящаго и нѣжнаго отца, которое онъ съ самаго перваго дня принялъ по отношенію къ питомцамъ, неминуемо должны были благотворно вліять на всѣхъ окружающихъ и смягчать все

Cauchioliz

жосткое, что могло таиться въ сердцахъ его сотрудниковъ и дѣлать эти сердца доступными добру, правдѣ и чести. Кто же не согласится, что хорошій примѣръ есть лучшій учитель.

Человѣку вѣрующему, какимъ на дѣлѣ былъ Принцъ Петръ Георгіевичъ, да еще съ такою душою, какою онъ надѣленъ былъ отъ природы, помогало само Провидѣніе. На это указываетъ намъ первый выборъ воспитателей. Сколько добродушія, теплоты, сердечнаго участія къ молодежи заключали въ себѣ эти Андреевы, фонъ-Деринги, Томсены, Берары, Люстоно, Кейпши. А духовный руководитель, священникъ Богословскій, какая свѣтлая, всѣмъ памятная личность! А строгій Пошманъ и добрѣйшій баронъ Врангель, тогдашній инспекторъ класса, развѣ всѣ они не были люди тѣхъ свойствъ и качествъ, которыя, по тогдашнему времени, именно подходили къ положенію Училища? Не стоитъ ни малѣйшаго труда каждому изъ насъ оставшихся въ живыхъ правовѣдовъ первыхъ выпусковъ возобновить въ памяти тѣ проявленія добра и любви къ дѣтямъ, которыми Принцъ ознаменовывалъ каждый день своей жизни. Онъ, какъ императоръ Титъ, считалъ кажется тотъ день для себя потеряннымъ, въ который не могъ сдѣлать никакого добра. Развѣ всѣ эти ласки, всѣ эти удовольствія, всѣ эти посѣщенія его дворца, всѣ эти билеты на представленія въ театрѣ, присылаемые въ Училище, всѣ эти

угощенія родителей и питомцевъ въ памятные для заведенія дни и вся эта заботливость о больномъ ребенкѣ, вся эта сердечная доброта, изливавшаяся на всѣхъ и на все, развѣ все это не дѣйствовало благотворно на юные умы и не дѣлало дѣтей лучшими и къ добру болѣе воспріимчивыми? Вотъ можетъ быть не мудрый, но конечно лучшій и вѣрнѣйшій способъ къ насажденію въ дѣтяхъ свѣтлыхъ свойствъ и качествъ.

Мы высокое мѣсто отводимъ первому пастырю Училища, священнику Богословскому, особенно потому, что считаемъ его крѣпкимъ насадителемъ Христіанской вѣры въ сердцахъ нашихъ. Да, сильна была въ то время дѣтская вѣра въ Промыслъ Божій и въ силу молитвы. Въ трудную для каждаго юноши пору, во дни экзаменовъ годичныхъ, когда любовь отца и матери такъ страждетъ за сына,—раненько бывало, съ восходомъ солнца, встанешь съ постели и, не тревожа ни чей сонъ, со старушкой няней идешь пѣшкомъ въ Сергіеву пустынь помолиться Богу. Добрыя чувства! счастливые годы! Отъ всей души великое спасибо нашей тогдашней учительницѣ школѣ!

Мирно и тихо текла жизнь Училища до 1848 года, и этотъ періодъ отъ основанія его, т. е. отъ 1835 до 1848, кажется, можетъ быть названъ золотымъ его вѣкомъ. Но въ этомъ роковомъ 1848 году несчастная исторія съ однимъ изъ воспитанниковъ, у котораго

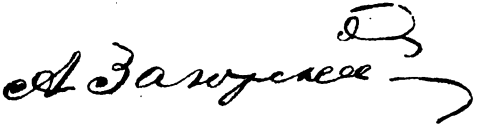
нашли какія-то вольнодумныя записки, возмутила покойное дотолѣ море, и хотя не могла измѣнить любящую душу Принца, но, кажется, нѣсколько ослабила привязанность къ дорогому дѣтищу. Императоръ Николай Павловичъ, тогда встревоженный событіями на западѣ, выразилъ по поводу этой исторіи свое неудовольствіе и можно себѣ представить, что долженъ былъ при этомъ перечувствовать Принцъ Петръ Георгіевичъ, всѣмъ существомъ своимъ преданный Царскому семейству. Директора князя Голицына замѣнили генералъ-маіоромъ Языковымъ, воспитателей статскихъ замѣнили военными и вообще ввели другіе, новые порядки. Это была первая рана, первое больное мѣсто на здоровомъ дотолѣ тѣлѣ. Да, она зажила потомъ эта рана, но рубецъ—остался.

* * *

Если духъ времени имѣетъ вліяніе на цѣлыя поколѣнія, то воспитывающееся юношество, какъ элементъ болѣе воспріимчивый и нѣжный, тѣмъ легче поддается этому вліянію, и не только въ проявленіяхъ духовной своей жизни, но въ своихъ занятіяхъ, въ своихъ играхъ выражаетъ то настроеніе, которое господствуетъ въ извѣстные моменты въ обществѣ. Такъ замѣчали, что во время войны дѣти предпочитаютъ воинственныя игры. Являются на сцену печенѣги,

французы, турки, Святославы, Суворовы, Кутузовы, Скобелевы; въ эпоху бывшихъ одно время въ Петербургѣ пожаровъ преобладающею дѣтскою игрой была пожарная команда съ несущимся скачкомъ впереди; при бракосочетаніяхъ въ Царскомъ семействѣ дѣвочки непремѣнно играютъ въ свадьбы и т. п. И такъ какъ въ нравахъ общества первой половины нынѣшняго столѣтія значеніе семьи было несравненно сильнѣе, жизнь проще, общественныя удовольствія очень ограниченны, то и семейный очагъ горѣлъ привѣтливѣе и ярче, и отношенія дѣтей къ родителямъ и дѣтей между собою заключали въ себѣ болѣе теплоты и чувства, чѣмъ во время послѣдующее.

Основные законы природы, конечно, остаются одни и тѣ же; совершенно естественно родителямъ любить своихъ дѣтей и дѣтямъ платить взаимностью отцамъ и матерямъ. Трудно допустить мысль, чтобы этотъ общій естественный законъ могъ потерпѣть какое-либо измѣненіе, и однакоже нельзя не замѣтить, что въ то время проявленіе этихъ взаимныхъ чувствъ выражалось какъ-то нагляднѣе, виднѣе. У насъ живо напр. сохранились въ памяти тѣ движенія радости и восторга, съ которыми, по воскресеньямъ и въ дни родственныхъ свиданій, дѣти встрѣчали своихъ матерей и отцевъ. Конечно, дѣлается это и теперь, но уже нѣсколько сдержаннѣе и холоднѣе; дѣти какъ будто чего-то стыдятся.



А эти добрыя чувства, которыя молодое поколѣніе получало дома, среди тогдашней семьи, оно вносило ихъ и въ школьную среду и оттуда: какое дружество, какая корпоративность, какое единодушіе въ каждомъ изъ классовъ! Этотъ честный духъ товарищества, не въ томъ только заключался, чтобы дѣйствовать сообща и не выдавать въ минуту опасности—нѣтъ, онъ главнѣйшимъ образомъ заключался въ бо̀льшемъ количествѣ—да простятъ мнѣ слово—дружбъ между воспитанниками проявлявшихся, не только обмѣномъ мыслей, бесѣдою и разговорами о домашнемъ, раздѣленіемъ яствъ и т. п., но и выражался всегдашнею готовностью помочь другу или вообще слабѣйшему товарищу тетрадями, книгами, репетированіемъ, взаимнымъ приготовленіемъ къ экзаменамъ и т. п.

* * *

Если спросятъ, какое преобладало въ наше время занятіе помимо классныхъ урочныхъ часовъ и рекреаціонныхъ игръ, то мы не ошибемся, если отвѣтимъ: это было чтеніе. И не мудрено. Мы вѣдь были современниками такихъ писателей какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Марлинскій. Если первые двое безвременно сошли въ могилу, то ореолъ славы, окружавшій ихъ, былъ еще такъ силенъ, что мы скорѣе готовы были потерять свои глаза и зрѣніе, читая ночью при

тускломъ свѣтѣ высоко висящей лампы, чѣмъ лишиться наслажденія читать ихъ произведенія и зачитываться, и учить наизусть вдохновенныя ихъ пѣсни. Сами ли великіе поэты умѣли развить въ согражданахъ подобную любовь къ стихамъ и поэзіи или это было уже такое идиллическое, пасторальное настроеніе общества, только въ 30-хъ и 40-хъ годахъ до крайности любили не только читать стихи, но и твердить ихъ на память. Въ гимназіяхъ и корпусахъ кадетскихъ не было такого ученика, у котораго не нашлось бы двухъ-трехъ тетрадей изъ синей бумаги, твердой и прочной, тогда больше бывшей въ употребленіи по ея сравнительной дешевизнѣ,—наполненныхъ выписками изъ произведеній лучшихъ поэтовъ. «Евгеній Онѣгинъ» и «Демонъ» были у всѣхъ на устахъ.

Маленькое стереотипное изданіе «Онѣгина» въ 16 долю листа, напечатанное мельчайшимъ шрифтомъ, въ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, какъ талисманъ, какъ амулетъ какой-то, носился юнкеромъ и кадетомъ за обшлагомъ мундира. Спали съ нимъ, не разлучались, клали подъ подушку. Намъ мало было Пушкина, Лермонтова, барона Дельвига, князя Вяземскаго, Языкова, Кукольника, мы познакомились и съ Василіемъ Кирилловичемъ Третьяковскимъ, заучивали и цитировали и его творенія. Конечно, это уже дѣлалось какъ контрастъ; это было какъ кайенскій перецъ въ пищѣ. Во время вечерняго приготовленія

къ завтрашнимъ урокамъ, подчасъ надоѣдливымъ и скучнымъ, какой-нибудь шутникъ, взойдя на каѳедру, начинаетъ:

«О лѣто, лѣто, ты горяче
И мухами обильно паче!»

или:

«Разъ дѣвка на рѣкѣ, мывъ платье зарыдала,
И, въ тяжкой горести съ собой такъ разсуждала,
Что замужемъ родитъ — иль сына или дочь?
А что носила во утробѣ, увидитъ то во гробѣ!
Не плачь, не хохочи, дружечекъ мой
Да платье мой!»

Послѣ какой-нибудь дневной неудачи: непріятности съ преподавателемъ, конфискованной книги или какого-нибудь тамъ фискальства со стороны дядьки или открытія подъ бюстомъ Сократа, на шкафу въ классѣ, спрятаннаго тамъ куска зеленаго сыра, подобныя выходки и тирады были весьма кстати, возмущенное состояніе духа юношей скоро проходило и въ тепломъ, хорошо освѣщенномъ классѣ, среди тѣсно-разставленныхъ столовъ и высокихъ дубовыхъ стульевъ, въ атмосферѣ единенія, веселости и дружбы, опять становилось жить и легко и отрадно.

* *
*

Такъ какъ мы уже стоимъ на почвѣ воспоминаній, то не забудемъ нашего стараго училищнаго сада; отдадимъ и ему дань признательности.

«Сколько думъ золотыхъ возникало,
Въ этомъ садикѣ прежней порой»,

можемъ сказать мы, вспоминая «Старый домъ» Огарева.

Въ немъ, въ этомъ саду, обнесенномъ высокою, какъ бы монастырскою каменною стѣною, прежде всего бросались въ глаза отдѣльно стоящіе исполинскіе шаги; затѣмъ полное гимнастическое устройство со всевозможными къ нему приспособленіями и съ просторной площадкою на верху. Подлѣ стѣнъ находились лѣтнія свѣтлыя бесѣдки, и подлѣ одной изъ нихъ, средней, по обѣ ея стороны, по одному дереву каштана, какою-то счастливою судьбою сюда занесенныхъ. Развѣсистые, широколиственные, съ большими бѣлорозовыми цвѣтами, дикіе каштаны эти служили украшеніемъ сада и воспитанники очень любили сидѣть подъ ихъ роскошною тѣнью и съ Препедевтикой въ рукахъ поджидать садовника Аѳоню, который вотъ-вотъ придетъ и принесетъ столь давно ожидаемые калачи и сайки.

Пространство между этими каштановыми деревьями и гимнастикой, саженъ въ десять квадратныхъ, огородили, должно быть въ 1839 или 40 году, низенькою деревянною рѣшеткою. Въ этой оградкѣ, въ одно утро,

Маликовский

мы увидѣли много цвѣтовъ, разсаженныхъ неизвѣстною рукою. Оказалось, что отецъ тогдашняго Инспектора барона Врангеля, жившій съ нимъ вмѣстѣ въ училищѣ, былъ большой любитель Флоры и мы всѣ съ участіемъ и любопытствомъ смотрѣли изъ классныхъ оконъ на дряхлаго, 80-лѣтняго, согбеннаго старца, когда онъ въ черномъ сюртучкѣ, съ лейкою въ рукахъ, ходилъ между своими цвѣтиками и поливалъ ихъ своею слабѣющею рукою. Лице почтеннѣйшаго старичка было такъ благовидно и покойно; онъ былъ такъ тихъ и привѣтливъ, что никому изъ насъ и въ голову не приходило хотя пальцемъ коснуться до его милыхъ розъ и фіалокъ.

Садовая гимнастика не только представляла состязательную арену для показанія гибкости и силы мускуловъ, но на устроенной поверхъ ея площадкѣ, очень высоко отъ земли, пѣлись хоровыя пѣсни. О! какъ звучно, въ майскіе вечера, особенно послѣ удачнаго экзамена раздавались съ высоты:

«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»

или

«При дороженкѣ стояла, калину ломала»,

или

«Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ»...

4

Особеннымъ же нашимъ расположеніемъ пользовалась съ тирольскимъ припѣвомъ пѣсня:

«Скрылось солнце за горой
И тихо всходитъ мракъ ночной» и т. д.

Мы будемъ справедливы, если воздадимъ должную хвалу тогдашнему хоровому пѣнію. Попечитель училища былъ, какъ извѣстно, большой любитель музыки и пѣнія, а учителемъ хора мы имѣли такого мастера своего дѣла, какимъ былъ Гавріилъ Акимовичъ Ломакинъ, регентъ знаменитой шереметьевской капеллы. Училищнымъ хоромъ регентировалъ воспитанникъ князь Дмитрій Оболенскій, впослѣдствіи, если не ошибаемся, имѣвшій часто случай пѣть во дворцѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны.

* *
*

Но вотъ Май мѣсяцъ со своими экзаменами подходитъ къ концу. Счеты кончены — наступаютъ дни каникулъ! Чисто выметенный, въ большомъ порядкѣ содержимый Училищемъ Правовѣдскій садъ мѣняется на какой-нибудь заброшенный, заросшій ракитникомъ и липой садъ съ покачнувшеюся бесѣдкою въ Городиловкѣ — Бѣльково тожъ.

Для проѣзда въ эту милую, родную Городиловку снабжаютъ юношу печатнымъ билетомъ съ большою красною сургучною печатью за подписью дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера. О, какъ это важно! Ему вручаютъ, кромѣ того, для передачи родителямъ печатное же наставленіе такого содержанія:

«1) Воспитанники не должны отлучаться изъ дому безъ родственниковъ своихъ или приличныхъ провожатыхъ; въ наемныхъ экипажахъ дозволяется ѣздить не иначе, какъ также съ родственниками или провожатыми. Только воспитанникамъ трехъ старшихъ классовъ дозволяется выходить безъ провожатыхъ, въ надеждѣ, что таковая довѣренность начальства не будетъ употреблена во зло. 2) Строжайше наблюдать форму и опрятность въ одеждѣ. Въ загородныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ Петергофѣ, Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Парголовѣ и пр., хотя дозволяется носить фуражки, но въ праздничные дни надлежитъ непремѣнно быть въ шляпахъ. 3) Предъ всѣми генералами, штабъ и оберъ-офицерами останавливаться во фронтъ. 4) При встрѣчѣ съ начальниками и наставниками Училища оказывать имъ должную вѣжливость. 5) Отнюдь не посѣщать, даже съ родственниками, кандитерскихъ и трактирныхъ заведеній. 6) Избѣгать громкихъ разговоровъ на улицахъ и гуляньяхъ. 7) Купаться дозволяется только въ мѣстахъ совершенно безопасныхъ и притомъ въ присутствіи провожатаго. 8) Время не

проводить праздно въ однихъ гуляньяхъ и забавахъ, но назначить себѣ ежедневно по нѣсколько часовъ для полезныхъ умственныхъ занятій. 9) Чрезъ каждыя двѣ недѣли непремѣнно писать къ г. директору о состояніи своего здоровья и о своихъ занятіяхъ. 10) Въ случаѣ болѣзни немедленно давать знать въ Училище г. дежурному воспитателю».

Берется съ собою связка учебныхъ книгъ; запасаемся для уженія рыбы удочками; для поимки волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей особыми крючками на ремняхъ; не забываемъ, беремъ сѣдло для верховой ѣзды и ружье для истребленія дичи, и по пыльному Варшавскому шоссе, въ тяжеловѣсныхъ, тогдашнихъ почтовыхъ, мальпостахъ запряженныхъ шестернею, пускаемся въ путь!.. Школа, съ ея поджареннымъ въ отдушникахъ хлѣбомъ, съ ея въ рыжемъ парикѣ ламповщикомъ — смертельнымъ врагомъ нашимъ — все это исчезаетъ изъ виду; все забывается. Мы въ родной Городиловкѣ, мы дома!

* * *

Но быстро несутся дни и недѣли среди пестрыхъ луговъ, въ тѣни дорогихъ рощицъ. Красное лѣто движется къ концу. И вотъ я — снова въ школѣ, среди меня толпа и говоръ и крики! Но что же это? Не сонъ ли? Товарищи уже не тѣ, а другіе. Да гдѣ же тѣ; гдѣ преж-

Professor Kraitschmer

ніе, съ которыми вступилъ я, съ которыми провелъ первые четыре года училищной жизни?

О, какъ я несчастливъ! Боже, Боже, какъ я дѣйствительно несчастливъ!...

Событія, послѣдовавшія со мною въ то время были для меня такъ знаменательны, такъ важны, что какъ бы по внутреннему голосу сталъ я предъ тѣмъ вести дневникъ, которому и повѣрялъ всѣ мои думы. Онъ этотъ дневникъ, предназначался вѣроятно быть другомъ моимъ и утѣшителемъ въ тяжкихъ испытаніяхъ и горестяхъ, меня тогда постигшихъ. Я велъ его съ небольшимъ мѣсяцъ и помѣщаю его здѣсь не потому, чтобы онъ могъ представить собою какой-либо интересъ какъ чтеніе, но собственно въ тѣхъ видахъ, что онъ можетъ дать понятіе, какими въ тѣ патріархальныя времена юноши 16—17 лѣтъ были еще дѣтьми и какъ время нынѣшнее опередило вѣкъ минувшій. Вотъ онъ, этотъ тайникъ, принявшій мое горе *).

* * *

1841. Мая 13. Вторникъ. Въ 5½ вечера пріѣзжала матушка съ сестрою въ Училище, чтобы про-

*) Тѣхъ, кому дорого время, покорнѣйше просилъ бы перевернуть эти страницы не читая.

ститься. Онѣ ѣдутъ навсегда въ деревню. Были у класснаго воспитателя и вручили ему на мои расходы 40 р. ас. Выѣдутъ изъ Петербурга ночью. Убійственная тоска обладаетъ мною, плачу. Чрезъ часъ экзаменъ изъ физики. Попрошу Егора Яковлевича купить портфель для храненія писемъ. Изъ физики II. Послалъ въ кандитерскую за пирожками.

15 Мая. Ардаліонъ Васильевичъ—учитель русскаго языка—уѣхалъ сегодня въ свое имѣніе въ Смоленскую губернію. Я на всѣ эти сборы смотрѣлъ въ окно. На дворъ пришли два хора вольныхъ музыкантовъ—утромъ инструментальный изъ трубъ и литавръ, вечеромъ—вокально-инструментальный, состоявшій изъ двухъ арфъ, скрипки и віолончели. У дамы порядочный сопрано. Во время этой музыки дочери каптенармуса Пименова и швейцара Мякотина справляли на дворѣ семикъ. Подъ музыку онѣ пили чай и кофе, щелкали орѣхи, грызли пряники сухіе. За столомъ стояла береза, увѣшанная ленточками. Праздникъ ихъ прервалъ школяръ какой-то, брызнувъ сверху на нихъ водою. Но все-таки день сегодня довольно разнообразный.

16 Мая. Наши уѣзжали, какъ говоритъ братъ, во время страшнаго дождя и ливня; пристяжная лошадь бѣсилась, выскочила изъ постромокъ и т. п. Сегодня экзаменъ изъ русскаго языка, не знаю что̀ будетъ; но—на тя Господи уповахомъ, не постыдимся отнынѣ вовѣки.

17 Мая. Суббота. Изъ русскаго отвѣчалъ удовлетворительно. Послѣ экзамена стали отбирать русскія учебныя книги; оказалось, что у меня исчезла Славянская Хрестоматія. Непомѣрная грусть овладѣваетъ мною; не знаю, не къ чему ли нибудь дурному? Странно!

19 Мая. У обѣдни вчера не былъ; читалъ «Москвитянина».

21 Мая. Сегодня день имянинъ матушки и меня нѣтъ съ ними. Я здѣсь одинъ — скучно. Теперь рѣшительно убѣждаюсь, что къ экзаменамъ лучше не готовиться. Доказательство: Пропедевтику зубрилъ пять дней сряду и что̀-же? провалился, а изъ другихъ предметовъ, почти не готовясь, прибавляю по балу. Сегодня, напр., изъ исторіи попадается вопросъ, котораго я вовсе не читалъ, только отвѣчалъ на него во время года и тогда получилъ 10, а на экзаменѣ за него прибавили два и поставили 12. Великъ Аллахъ! Все думаю, а гдѣ-то наши? что-то они подѣлываютъ? Ухъ, какъ жарко; духота страшная вообще.

«Мнѣ скучно здѣсь
Я въ лѣсъ хочу!»

Въ 5½ ч. приходилъ братъ, сказать, что О. И. Шкляревская, приказала долго жить. Какъ неожиданно!

«Что наша жизнь? игра страстей!
Что смерть? — предѣлъ мученій!»

Въ 3 часа воспитанникъ 7-го класса, Барановъ, попалъ мнѣ камнемъ въ глазъ. За это я его порядочно отстегалъ ремнемъ. Онъ кричалъ; услышалъ Бушманъ, воспитатель, и записалъ меня въ рапортъ. Въ этомъ году въ первый разъ! Но, на экзаменахъ бррр...

22 Мая. Четвергъ. Сегодня нѣчто новое. Люстоно ведетъ меня къ директору; иду. Входимъ въ кабинетъ. Строгое распеканіе за Баранова — и за тѣмъ приказаніе посадить меня въ карцеръ. Гадко, но дѣлать нечего, повиноваться надо, не только за страхомъ... Заходимъ въ классъ, я прячу подъ куртку романъ Купера. Слышу бьетъ девять — и я уже сижу. Подъ фамиліею «Купреяновъ» подписываю свою. Завожу мои карманные часы и пробую лечь; отъ постели несетъ затхлымъ; подушка и перина набиты соломой. Не спится. Жарко, душно, скучно! Прочелъ нѣсколько страницъ, снялъ куртку, положилъ ее подъ голову на подушку, покрылъ все это даннымъ утромъ платкомъ и рѣшился спать. Но черныя насѣкомыя, какъ угрызеніе совѣсти, стали терзать меня и мучить. Однакоже часа два спалъ, потомъ опять принялся за чтеніе. Чу! желудокъ требуетъ пищи! Въ 1½ часа входитъ тюремный стражъ съ тарелкою и — душа моя возрадовалась! Но, Боже правый! на тарелкѣ только два несчастныхъ ломтика хлѣба и щепотка соли. Однако все съѣлъ. O vanitas vanitatum! Послѣ столь скромнаго, но не скоромнаго обѣда — заснулъ и потомъ

далъ свободу мыслямъ перелетать съ одного мѣста на другое.

Въ 6½ тотъ же самый стражъ Кравченко — приноситъ два кусочка хлѣба, помазанные чухонскимъ масломъ; съѣдаю; затѣмъ въ 9 часовъ опять хлѣбъ и, что вижу? О счастіе!—на тарелкѣ аладья! О добродушнѣйшій поваръ, какое ты милое созданье. Черезъ часъ Люстоно отворяетъ дверь темницы...

24 Мая. Экзаменъ изъ французскаго. Отвѣчалъ изрядно. Аллье до экзамена роздалъ всѣмъ билеты; они остались у меня.

25 Мая. Воскресенье. Отъ Вельяминова получилъ долгъ — семь слоеныхъ пирожковъ. Спалъ чудесно.

26 Мая. Экзаменъ изъ естественной исторіи. Оставилъ тотъ же баллъ 9. Постельсъ никому не прибавлялъ, такъ какъ онъ былъ одинъ. Вечеромъ писалъ программу алгебры.

27 Мая. До часу съ Равинскимъ занимался алгеброй. Въ I-мъ классѣ происходилъ экзаменъ изъ гражданскаго права и потому всѣ прочіе классы въ саду.

Въ 3 часа опять принялся за алгебру, но жара невыносимая — оставилъ. Послѣ ужина со Львовымъ 2-мъ перебивался въ мячикъ. Весь мокрый — не могъ заснуть, все пилъ холодную воду.

28 Мая. Среда. Первый дежурный изъ II класса Аксаковъ, но безъ шпаги. I-й классъ распущенъ домой — счастливые люди! Алгебру и записки оста-

вилъ въ саду; жду 10-ти часовъ. Дерингъ просилъ меня записать въ его расходную книжку съ воспитанниковъ по 15 к. за неизвѣстно кѣмъ разбитыя въ классѣ два стекла и двѣ солонки.

Наиужаснѣйшая грусть и скука тяготятъ меня — неужели отъ разлуки? И болитъ къ тому же голова. Думалъ послѣ ужина итти въ зало, но Дерингъ сказалъ: идите-ка псковской помѣщикъ въ садъ.

29 Мая. Экзаменъ изъ алгебры, прибавили баллъ, изъ 7-ми 8. Семеновъ у Н—ва отнялъ патфайндера. Все училище въ уныніи. Если сойдетъ геометрія — дамъ себѣ обѣтъ...

30 Мая. Въ спальняхъ написалъ два вопроса изъ геометріи. Но что-то нездоровится, кашляю, болитъ горло. Въ головѣ геометрія — и наши. А какъ вспомнишь объ актѣ—морозъ по кожѣ. Опять готовлюсь съ Равинскимъ.

31 Мая. Геометрія не удалась! Во время экзамена фонъ Пребстингъ подложилъ мнѣ тетради. Директоръ это замѣтилъ, и, думая, что тетради это мои—поставилъ меня къ стѣнѣ. Хороша въ Правовѣдѣніи справедливость! Многіе потомъ меня ругали, зачѣмъ я не сказалъ, что тетради были не мои, а Пребстинга. У всенощной пѣли безъ 1-го класса — и хорошо.

1-е Іюня. Воскресенье. Обѣдъ сносный. Спалъ въ классахъ на стульчахъ до 5-ти часовъ, потомъ принялся за статистику, но отворилъ окно и смотрѣлъ

на проходящихъ. Досталъ романъ Поль-де-Кока: «La pucelle de Belleville», переведенный подъ заглавіемъ: «Господинъ Трупо и его дочь». Свинья тотъ, кто перевелъ эту чушь; изданіе лубочное; ошибокъ пропасть. Слова въ родѣ «пузо» встрѣчаются безпрестанно. O tempora, o mores!

Получилъ отъ братьевъ письма матушки и десятокъ яблокъ. Чтеніе писемъ вызвало обильныя слезы. Вечеромъ подъ фортепіано всѣ пѣли. А мнѣ все-таки очень скучно.

2 Іюня. Понедѣльникъ. Красные рыцари не давали покою, воевалъ съ ними почти всю ночь. И притомъ, только что легъ въ постель, — сдѣлалось такъ грустно, такъ тяжело на сердцѣ, что я, уткнувшись въ подушку, сталъ плакать. Да я просто баба! Изъ статистики оставилъ 12. Сегодня экзамены не въ библіотекѣ, а въ садовыхъ галлереяхъ. Его Свѣтлость присутствовалъ и былъ инспекторъ. На верху все чистятъ и моютъ. Въ 3 часа для 1-го класса публичный экзаменъ изъ гражданскаго права. Воспитанники въ саду.

Говорятъ, что экзаменъ въ 1-мъ классѣ шелъ ужасно дурно. Панинъ, Уваровъ недовольны. Принцъ сдѣлалъ будто выговоръ инспектору.

Но мнѣ сегодня вечеромъ надо итти съ рапортомъ къ директору — я дежурный. О, скорѣе бы эта экзаменная мука кончилась! Читалъ письмо матушки

пять разъ сряду. Надѣвъ въ спальняхъ мундиръ, спустился къ директору. «Честь имѣю доложить вашему превосходительству, что по классу все благополучно».

3 Іюня. Вторникъ. Все идетъ по казенному порядку. Ничего особеннаго не случилось — только въ Веймарна пустилъ Библіей за то, что онъ мѣшалъ мнѣ спать.

NB. 19 мая посадилъ въ саду корешокъ сирени; хожу каждый день его навѣщать; онъ уже пустилъ корни. Можетъ быть до выпуска моего уцѣлѣетъ.

4-го Іюня. Прибавилъ изъ Закона Божія одинъ баллъ; изъ 9 получилъ 10. Присутствовали Дерингъ и священникъ. Пославши матушкѣ письмо, сталъ читать «L'art de plaire — par Eugène Sue». Велѣно убрать все въ шкапахъ и столахъ; самимъ итти въ садъ до вечера. На верху опять все приготовляютъ къ публичному экзамену. Въ саду, на крыщѣ бесѣдки заснулъ. Воспитанники старшаго курса, послѣ ужина, играли на прощанье въ бары. Григоровичъ беретъ знамя. По всему саду раздаются крики радости и восторга. Его берутъ и подкачиваютъ до небесъ. Всѣ правовѣды рукоплещутъ.

4 Іюня. Четвергъ. Послѣ утренняго кофе повели въ садъ. Старшіе классы были уже въ мундирахъ, мы въ новыхъ курткахъ. Писалъ патфайндера. Ровно въ 9 часовъ утра, первый классъ пошелъ на публичный экзаменъ. Второй и третій классы при ономъ присут-

ствовали. Постороннихъ лицъ было около 70-ти человѣкъ и все генералиссимусы. Отвѣчали чудесно. Особенно отличились двое: Арцимовичъ и Келайдодовичъ. По правую сторону Принца сидѣлъ митрополитъ, а по лѣвую Новосильцевъ, Уваровъ, Панинъ и др. Въ 12 часовъ былъ всѣмъ гостямъ завтракъ отъ Принца. Сперва воспитанники старшихъ классовъ сѣли за столъ въ общую столовую, но потомъ ихъ позвали наверхъ къ принцеву завтраку. Намъ туда и носа не велѣно показывать. Нѣкоторые изъ посѣтителей заходили и въ нашу столовую младшаго курса. Подлѣ меня сидѣлъ д. т. с. Танѣевъ, а подлѣ него сидѣли сынъ его и Ферзенъ. Когда завтракъ на верху кончили, экзаменъ продолжался до 4-хъ часовъ. Затѣмъ всѣ разъѣхались по домамъ и воспитанники 1-го класса также. Счастливая минута въ ихъ жизни! Дожить ли мнѣ до этого счастья? Насъ повели на верхъ и мы имѣли случай смотрѣть и любоваться, какъ нарядные офиціанты поглощали вкусные остатки яствъ.

Въ 6 часовъ вечера въ нашемъ классѣ экзаменъ изъ нѣмецкаго языка. Вызвали вторымъ; переводъ сдѣлалъ хорошо, но въ неправильныхъ глаголахъ вралъ на пропалую, думалъ, авось проскочу,—незамѣтятъ, — но вышло не то. Шнерингъ поставилъ 6 и инспекторъ оставилъ ту же шестерку. Ну, теперь надежда лопнула, все пропало! Но, какую муку испытываетъ духъ и душа моя—это просто терзаніе. Легши

въ постель — слезы... Боже! Боже! еще лишній годъ слушать Штекгардта съ его китайскою грамотой и смотрѣть все на однѣ и тѣ же лица.

5 Іюня. Лежа въ классѣ на стульяхъ съ лексикономъ Аделунга вмѣсто подушки, чтобы ничего не слышать, что говорится кругомъ—взялъ и сталъ читать Марлинскаго первую часть. А тутъ товарищи толкуютъ уже о золотыхъ петлицахъ, а я, несчастный! О, адское время — бѣги скорѣй!

6 Іюня. Суббота. На латынь иду не готовясь, получаю 7. Все пропало; окончательно падаю духомъ! Вечеромъ повели въ баню; разъ десять становлюсь подъ дождь, думая: все равно, одинъ конецъ, смерть такъ смерть, пусть умру...

7 Іюня. Былъ у братьевъ; читалъ письма матери и на душѣ стало легко. Пишетъ: «не грусти; терпѣть надо и молиться... годъ пройдетъ скоро...»

8 Іюня. Воспитанникъ III класса Ѳедоровъ въ своемъ классѣ нашелъ хрестоматію Пепинскаго и возвратилъ мнѣ. Спасибо ему, а то бы мнѣ пришлось заплатить за нее 5 руб.; я тотчасъ же отослалъ ее къ Дерингу. Разбиралъ тетради. Послѣ ужина мой классъ (увы! потерянный какъ рай) пригласилъ меня играть въ бары. Въ послѣдній разъ взялъ я въ плѣнъ Гирса.

9 Іюня. На сегодняшнемъ экзаменѣ изъ государственнаго права Блюмъ попался съ подкидышемъ.

Онъ въ карцерѣ. Мнѣ достался билетъ № 1-й, но сколько поставили — не знаю.

Въ 4½ час. утра упалъ съ верхняго окна работникъ, вѣшавшій маркизу въ залѣ и ударился о диванъ бокомъ; его понесли въ лазаретъ. Лѣстница расшибла два стекла. Самое окно сажени три или четыре отъ пола.

10 Іюня. Ничего особеннаго, только страшная скука!

11 Іюня. Четвергъ. Погода превосходная. Съ утра повели въ садъ. Но тоска сердце гложетъ. Malheureux que je suis! Нѣтъ, письма матери рѣшительно спасаютъ меня. Она страдаетъ не менѣе меня, — но, въ въ мою душу вливаетъ отраду и утѣшеніе. О, сердце матери,—сердце матери—какой великій даръ, созданный Богомъ!

Въ Большомъ залѣ, на мраморной доскѣ, пишутъ имя и фамилію Погуляева.

13 Іюня. Перечитывалъ, должно быть въ 4-й разъ, Гоголя — «Миргородъ». Узналъ новость. Для насъ, остающихся на лѣто въ училищѣ, наняли дачу за Строгоновскимъ садомъ, домъ Юркевича. Что же — и поѣдемъ...

Между тѣмъ постели IV класса перенесли въ садовыя галлереи. Идетъ проливной дождь. Дерингъ передаетъ мнѣ разныя покупки. Я—какъ убитый! Мнѣ ничто не мило; мнѣ все равно; мнѣ хоть въ могилу!

Время приближается. Скоро будутъ собираться на завтрашній актъ. А для меня—какая тоска! Полагаю, что никакое несчастіе въ жизни не можетъ сравниться съ тѣмъ, если останешься въ классѣ, особенно въ IV-мъ. Неужели же золото и серебро имѣютъ такое значеніе? неужели же серебряныя петлицы такъ ничтожны, а золотыя даютъ столько счастья? Не постигаю.

14 Іюня. День акта, день муки! О! какъ тяжело мнѣ было видѣть товарищей съ нашитыми на ихъ мундирахъ золотыми петлицами,—а я, да Н—въ, какъ вороны ощипанные стояли на актѣ. Директоръ читалъ отчетъ; Шнейдеръ говорилъ латинскую рѣчь. Затѣмъ читали кто перешелъ. Потомъ церковь, молебенъ, присяга. Послѣ обѣда всѣ перешедшіе поѣхали къ Принцу на катерахъ на лачу, а оставшіеся, не переведенные, отведены были въ лазаретъ какъ грѣшники — на вѣчную муку.

15 Іюня. Воскресенье. Воспитанники москвичи собираются въ путь. Сижу на скамейкѣ въ бѣлой залѣ, подлѣ печки и — ни на кого смотрѣть не хочется. Вдругъ, чрезъ зало, скорыми шагами идетъ директоръ къ инспектору барону Врангелю, квартира котораго находится во второмъ этажѣ на Сергіевскую улицу. Узнаемъ, что онъ при смерти. У него въ день акта было два удара апоплексическихъ — одинъ утромъ, а другой въ 7 часовъ вечера. Я кажется ему завидую: хорошо бы, думаю, если бы это было со мною.

Иванъ Андреевъ
сынъ Бушманъ

Черезъ нѣсколько минутъ, директоръ идетъ обратно и говоритъ Дерингу: «нашего барона не стало... Ни Спасскій, ни Буяльскій, ни Гауеръ не могли спасти его, Богъ взялъ къ Себѣ его добрую душу!»—Я подлѣ; я все это слышу. Мнѣ ужасно жаль Врангеля — онъ оставляетъ семью! Невольно вспоминаю при этомъ о моемъ отцѣ и думаю: можетъ быть и онъ умретъ отъ огорченія, которое я ему сдѣлалъ... Эта мысль меня преслѣдуетъ... Ведутъ спать и читаютъ вечернія молитвы... Дѣлаюсь спокойнѣе, ложусь и засыпаю.

16 Іюня. Просыпаюсь бодрымъ. Начинаемъ собираться на нанятую дачу. Прощай журналъ, прощай мой милый!.. Больше тебя писать не буду!...

* * *

На дачѣ жилось хорошо, по-семейному. Насъ было мало, насъ не стѣсняли: гуляли много; ходили въ лѣсъ за грибами. Лѣто и дача сдѣлали свое: потрясенный духъ успокоился; томленіе и тоска какъ бы отошли въ сторону; я сталъ относиться спокойнѣе къ постигшему меня горю. Мысли о смерти прошли, напротивъ, послѣ случившейся катастрофы я еще сильнѣе полюбилъ и отца, и мать, и родныхъ, и все, что въ маѣ и іюнѣ казалось мнѣ опостылѣвшимъ на вѣки. Но дневникъ мой болѣе не возобновлялся. Въ послѣдующіе за тѣмъ два года, т. е. съ августа 1842

по августъ 1843 и съ августа 1843 до августа 1844 велись только табели на подобіе издаваемыхъ Академіей Наукъ и на этихъ листахъ дѣлались отмѣтки весьма краткія. Въ нихъ напрасно стали бы искать чего-либо исключительнаго, особеннаго, что можетъ случиться въ жизни взрослыхъ и чѣмъ наполняются страницы многихъ книгъ. Нѣтъ, жизнь въ казенномъ учебномъ заведеніи распредѣлена по часамъ: главная забота въ томъ-то и заключается, чтобы ничто не выходило изъ рамокъ и чтобы тишина и покой, столь необходимые для учебныхъ занятій, ничѣмъ нарушаемы не были.

Такъ и въ таблицахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, главнѣйшее мѣсто отведено было, чему бы вы думали? наблюденіямъ метеорологическимъ, въ родѣ слѣдующихъ:

1842, декабря 17, 18, 19, мокроть; ѣзда на дрожкахъ. — 1843. Январь. Дождь 10-го, большой, а 22-го того же мѣсяца, ночью, проливной дождь.—1843. Октябрь 8, первый снѣгъ. 3 ноября большой дождь — вечеромъ морозъ. 6, 7, 8 февраля морозы, доходящіе до 28 градусовъ и свыше.

Затѣмъ немало пространства занимала номенклатура прочтенныхъ книгъ. Потомъ отмѣчены отпуски по случаю какихъ-либо радостныхъ событій. Такъ въ 1843 году, марта 13-го распустили домой по случаю посѣщенія училища Императоромъ Николаемъ

Павловичемъ; въ августѣ того же года, съ 19 по 22, по случаю бывшаго 21 числа акта; 9-го сентября, съ 2-хъ часовъ дня по 9 часовъ вечера, по случаю рожденія у Государя Цесаревича, сына Николая Александровича. Въ 1844, января 16, отпускъ по случаю бракосочетанія Великой Княжны Александры Николаевны съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ, а 19-го того же января отпускъ, съ 8-ми часовъ утра до 9-ти вечера по случаю бракосочетанія Великой Княжны Елизаветы Михайловны и т. д.

Не забыты и бывшія угощенія. Такъ, въ 1843 году сентября 1-го, въ имянины директора, въ шесть часовъ вечера, дали по кружкѣ чая, по выборгской булкѣ, по два яблока и по одной грушѣ. 1844, апрѣля 4-го, въ 10 часовъ утра, по случаю производства смотрителя дома Кузьмина въ маіорскій чинъ: шоколадъ; 5-го того же мѣсяца за ужиномъ подано было присланное изъ дворца Принца мороженое.

Отмѣчены также дни концертовъ въ училищѣ и вечеровъ, проведенныхъ во дворцѣ попечителя; затѣмъ разныя замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: 1843 января 12-го вечеръ незабвенный; вознесся надъ вѣкомъ и, вслѣдствіе этого, 13-го, помирился съ Могилевскимъ. Января 17-го, Scène pathétique—qui ne s'oublie pas! 11-го іюня—въ день отпуска на каникулы приснился чудный сонъ. 10-го сентября сидѣлъ въ карцерѣ за инспектора Кранихфельдта. 6-го октября — постоянно бо-

ствовали. Постороннихъ лицъ было около 70-ти человѣкъ и все генералиссимусы. Отвѣчали чудесно. Особенно отличились двое: Арцимовичъ и Келайдодовичъ. По правую сторону Принца сидѣлъ митрополитъ, а по лѣвую Новосильцевъ, Уваровъ, Панинъ и др. Въ 12 часовъ былъ всѣмъ гостямъ завтракъ отъ Принца. Сперва воспитанники старшихъ классовъ сѣли за столъ въ общую столовую, но потомъ ихъ позвали наверхъ къ принцеву завтраку. Намъ туда и носа не велѣно показывать. Нѣкоторые изъ посѣтителей заходили и въ нашу столовую младшаго курса. Подлѣ меня сидѣлъ д. т. с. Танѣевъ, а подлѣ него сидѣли сынъ его и Ферзенъ. Когда завтракъ на верху кончили, экзаменъ продолжался до 4-хъ часовъ. Затѣмъ всѣ разъѣхались по домамъ и воспитанники 1-го класса также. Счастливая минута въ ихъ жизни! Дожить ли мнѣ до этого счастья? Насъ повели на верхъ и мы имѣли случай смотрѣть и любоваться, какъ нарядные офиціанты поглощали вкусные остатки яствъ.

Въ 6 часовъ вечера въ нашемъ классѣ экзаменъ изъ нѣмецкаго языка. Вызвали вторымъ; переводъ сдѣлалъ хорошо, но въ неправильныхъ глаголахъ вралъ на пропалую, думалъ, авось проскочу,—незамѣтятъ, — но вышло не то. Шнерингъ поставилъ 6 и инспекторъ оставилъ ту же шестерку. Ну, теперь надежда лопнула, все пропало! Но, какую муку испытываетъ духъ и душа моя—это просто терзаніе. Легши

корни!... знаю только, что день акта—это день золотой свободы, это день великой радости! это день въ жизни не повторяющійся!

* * *

Портной былъ исправенъ; заказанный гардеробъ весь готовъ къ сроку. Все съ иголочки — хоть подъ вѣнецъ. Но я,—какъ въ туманѣ. Ничего не знаю, никого не вижу, ничего не помню! Да, дѣйствительно, ничего не помню. Ощущеніе счастія было такъ сильно, такъ полно, что нѣкоторыя способности души, какъ напр. память была совершенно парализована. Лучшій день жизни — почти исчезъ изъ жизни! Какъ во снѣ припоминаю, что стояли люди, читались списки, говорились рѣчи, — но о чемъ и кѣмъ и какъ—ничего не знаю, ничего не вижу.

Нѣтъ, виноватъ:

Теперь, черезъ столько десятковъ лѣтъ, оглядываясь назадъ, я въ день акта вижу дачу Принца на Каменномъ островѣ. Вижу тамъ много молодыхъ людей; всѣ однихъ лѣтъ, всѣ одинаково нарядно одѣты. Мое вниманіе останавливаетъ на себѣ одинъ юноша-брюнетъ, невысокаго роста, съ карими глазами, тоже въ бѣломъ галстухѣ и новенькомъ съ блестящими пуговицами вицмундирѣ. Онъ ходитъ какъ и другіе по залу, въ которомъ, вѣроятно для какого-нибудь прію-

та, разставлены на столѣ дѣтскія игры. Онъ какъ-то особенно внимательно разсматриваетъ эти игрушки, онъ отъ нихъ не отходитъ. Кажется, этого молодого человѣка я нѣсколько знаю. Да, конечно же, я его какъ нельзя лучше знаю; онъ очень, очень мнѣ близокъ... Но, отчего же, дѣтскія игры его еще такъ занимаютъ?...

* * *

Первымъ актомъ полученной свободы было отправиться на Большую Охту и купить тамъ яликъ.—Покупка эта,—доказавшая, что страсть къ водѣ и морю во мнѣ нисколько не исчезла,—привязана была крѣпкою цѣпью къ плоту, на Мойкѣ, у дома Монферана, такъ какъ тамъ поблизости нанялъ я квартиру. 30-го апрѣля, подъ вечеръ, съ товарищемъ по выпуску Эссеномъ и вышедшими раньше Гебгардтомъ и Амантовымъ пустились мы на утлой ладьѣ кататься. Достигши взморья, съ попутнымъ вѣтромъ плывемъ счастливые, распѣвая веселыя пѣсни. И вдругъ видимъ, летитъ на насъ на всѣхъ парусахъ большая какая-то морская барка. Она предъ нами, она тянетъ уже насъ подъ киль, и не имѣй нашъ милѣйшій Эссенъ такого атлетическаго сложенія и такихъ мощныхъ рукъ, которыми онъ оттолкнулся отъ морского судна, — мы сдѣлались бы всѣ, навѣрное, жертвами

Нептуна и тогда прощай на вѣки Illud magnum mare! Но, Богъ помиловалъ. Это было какъ разъ наканунѣ 1-го мая, а 1-го мая, совсѣмъ забывъ вчерашній случай, щегольски одѣтый, въѣзжалъ я, вечеромъ, на конѣ верхомъ въ тѣнистыя аллеи Екатерингофскаго парка. Императоръ Николай Павловичъ, всегда посѣщавшій это народное гулянье, какъ разъ въ то же время приближался со своими двумя дочерьми Августѣйшими амазонками, сопутствуемый блестящею свитой. Сторонюсь; подтягиваю поводья, и, полный тщеславія, думаю: не приблизиться ли къ Государю и спросить: «Ваше Величество, узнаете ли во мнѣ того крошечнаго правовѣда, который восемь лѣтъ тому назадъ такъ ловко отдалъ вамъ честь въ аллеяхъ Лѣтняго сада». Но въ этотъ моментъ Императоръ поднимаетъ лошадь въ галопъ, всѣ спѣшатъ за нимъ и быстро вся кавалькада исчезаетъ, преслѣдуемая бѣгущею за нею съ криками «ура!» густою толпою народа.

* * *

Если не считать дня 28-го апрѣля, который для меня какъ будто не существуетъ, то послѣдующіе за этимъ три дня были именно днями полнѣйшаго счастья и довольства судьбою. Затѣмъ 2-го мая вступилъ я въ реальную жизнь. Съ утра отправился въ Сенатъ; тамъ переносилъ изъ шкапа въ шкапъ какія-то связки

дѣлъ; перелистывалъ большія потертыя, пыльныя книги, и когда начальство удалилось по домамъ, вышелъ и я, правда, усталый и нѣсколько смущенный, но зато независимый и полный надеждъ.

Перейдя Адмиралтейскую площадь, пошелъ я увѣренно и бодро, по широко разстилавшейся предо мною дорогѣ жизни...

* * *

Всѣхъ насъ въ 1845 году вышло 24. За эти сорокъ пять лѣтъ шествія къ землѣ обѣтованной перемѣнъ приключилось много. Цѣлая треть уже въ могилѣ, изъ двухъ оставшихся третей одни стоятъ высоко на ступеняхъ служебной іерархіи, другимъ дана въ удѣлъ болѣе скромная доля; иные живутъ въ деревняхъ и вѣсяхъ, — но всѣ даннаго Училищемъ завѣта чести и долга держатся твердо, хранятъ его крѣпко какъ хоругвь, какъ боевое знамя.

Но перваго Попечителя нѣтъ уже съ нами!

Посвятимъ же памяти богатаго щедротами и добрыми дѣлами Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго наши послѣднія бѣдныя строки.

* * *

Благодарною душею легко вспомнить основателя Училища Правовѣдѣнія; но писать о немъ трудно.

Это могутъ и должны сдѣлать тѣ, кто имѣлъ счастіе близко стоять къ нему въ жизни, его секретари, адъютанты, чиновники особыхъ порученій, правители конторы, словомъ всѣ тѣ, кто по какому-либо случаю находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Его Высочеству и былъ свидѣтелемъ его дѣлъ и дѣяній.

Но если частности жизни Принца, добрыя дѣла имъ негласно творимыя извѣстны не всѣмъ, а только избраннымъ однимъ, то общія его свойства извѣстны каждому изъ насъ, извѣстны всему міру.

Главнѣйшія изъ этихъ свойствъ, по нашему мнѣнію, были: любовь къ правдѣ, любовь къ дѣтямъ, любовь къ Монарху, соединенная съ неограниченною преданностію къ монархическому началу.

Но всѣ эти благія свойства, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже, не были бы столь цѣнны, если бы не покрывались смиреніемъ — добродѣтельностію столь рѣдкою и почти невозможною въ той средѣ, въ которой Принцу Петру Георгіевичу суждено было родиться и вращаться. Оно, смиреніе это, скрѣпляло какъ связуетъ известь кирпичи и камни, всѣ проявленія высокихъ чувствъ его и, не смотря на наружную въ сношеніяхъ съ людьми мягкость, придавало имъ всѣмъ и крѣпость и силу.

I. Любовь къ правдѣ. Добродѣтель вообще подраздѣляютъ кажется на четыре вида: мудрость, храбрость, воздержанность и справедливость. Его Вы-

сочество Принцъ Петръ Георгіевичъ, какъ только вступилъ на поприще государственной дѣятельности, тотчасъ же имѣлъ случай доказать уваженіе свое къ одному изъ нихъ, именно къ справедливости, и доказать это не на словахъ, а на дѣлѣ. Извѣстно, что 23 апрѣля 1834 года волею Императора Николая Павловича, Принцъ былъ назначенъ къ присутствію въ Правительствующемъ Сенатѣ. Тому, кто чтилъ душею правду и вѣровалъ въ справедливость, легко было, вступивъ въ Сенатъ, увидѣть, что «правды нѣтъ въ судѣ».

Богатое порывами къ добру, отзывчивое сердце молодого, только что переступившаго совершеннолѣтіе Принца, сказало ему, что надо дѣлать въ этомъ случаѣ. Не угрозами и карами, не регламентами и указами задумалъ онъ лечить больное мѣсто, нѣтъ! онъ избралъ другой путь—рѣшилъ, не подвергая рубкѣ старыя деревья, посадить между ними молодые саженцы, завести новую «школу», и—тогда же предложилъ Государю основать въ Петербургѣ Училище Правовѣдѣнія для образованія людей съ иными взглядами на службу; а чтобы дѣло сопутствовало слову, пожертвовалъ изъ своего состоянія почти полмилліона на покупку неплюевскаго дома и первоначальное обзаведеніе. Можетъ быть пожелаютъ лучшаго доказательства любви Принца къ «справедливости»? да простятъ намъ,— мы лучшаго не знаемъ.

Въ 1835 году Императорское Училище Правовѣдѣнія было уже открыто!

II. Любовь къ дѣтямъ. Когда старыя, прочныя стѣны купленнаго Принцемъ для Училища дома вмѣстили въ себѣ первый контингентъ дѣтей, и такимъ образомъ, доблестная мысль и благородное стремленіе къ водворенію правды на судѣ получили осуществленіе, то какъ бы въ награду за эту мысль и стремленіе и столь крупное пожертвованіе капитала— въ душѣ Принца встрепенулось и раскрылось новое чувство. Это чувство, проникшее впослѣдствіи все его сердце, было чувство самой безкорыстной любви къ дѣтямъ, принятымъ въ Его Училище питомцами. Надо ли и этой любви доказательствъ? О! ихъ много! И первое—самая жизнь Принца и тѣ отношенія, которыя сразу установились между Попечителемъ и основаннымъ имъ заведеніемъ.

Впослѣдствіи, когда привязанность и расположеніе къ дѣтямъ обратились уже какъ бы въ прирожденное свойство Принца. Его Высочеству подъ надзоръ и попеченіе переданы были и многія другія воспитательныя заведенія и школы, но, Правовѣдѣніе было его собственнымъ любимымъ дѣтищемъ, и потому могъ ли онъ не любить правовѣдовъ предпочтительно предъ другими и не отдавать имъ бо̀льшую и лучшую долю добрыхъ чувствъ своихъ?

Не однимъ частымъ посѣщеніемъ своего училища днемъ—во время занятій и игръ, и ночью—въ часы безмятежнаго сна, не однимъ внѣшнимъ вниманіемъ къ здоровью и благосостоянію воспитанниковъ, не одною постоянною заботливостью о лучшихъ способахъ преподаванія, не однимъ доставленіемъ дѣтямъ благородныхъ развлеченій и удовольствій выражалось это всеобъемлющее чувство любви къ нимъ, нѣтъ!—оно сказывалось во всемъ, проявлялось во всѣхъ случаяхъ, ко всѣмъ правовѣдамъ вообще и къ каждому изъ нихъ въ частности, отъ дня вступленія до дня выпуска! До дня выпуска? Нѣтъ, оно переходило къ кончившимъ курсъ и за старыя стѣны и какъ добрый геній сопутствовало имъ во все теченіе ихъ жизни.

Принцъ, принявъ насъ съ любовью дѣтьми, оставался себѣ вѣренъ, и разъ отдавши намъ, какъ отецъ отдаетъ дѣтямъ свое сердце, сохранялъ намъ его и тогда, когда уже мы выросли и сами стали гражданами Россіи, а многіе отцами семействъ.

Вышла бы, полагаю, объемистая книга, если бы можно было собрать воедино всѣ проявленія доблестной души Принца Петра Георгіевича по отношенію къ воспитанникамъ правовѣдѣнія, кончившихъ курсъ. Вышедшіе правовѣды моего времени дѣлились съ Принцемъ своими радостями и горестями, повѣряли ему, какъ другу, свои успѣхи и неудачи въ жизни.—Отдѣленные отъ него разстояніемъ, они сносились съ нимъ

Морицъ Ивановъ Гецциусъ

письмами. Еслибы уцѣлѣли письма къ Его Высочеству бывшихъ воспитанниковъ и если бы признано было возможнымъ огласить и издать ихъ, о! какимъ бы яркимъ свѣтомъ освѣтилась эта выдающаяся по рѣдкой добротѣ, личность. Но этимъ драгоцѣннымъ для біографіи Принца матеріаломъ мы, къ сожалѣнію, не владѣемъ. Дѣлимся содержаніемъ двухъ писемъ, случайно дошедшихъ до рукъ нашихъ.

Одно изъ нихъ было адресовано къ правовѣду 5-го выпуска, К. Ѳ. Ралль, 5-е января 1849 года, слѣдующаго содержанія:

«Константинъ Ѳедоровичъ!

«Избраніе Васъ въ предсѣдатели Тамбовской граж-«данской палаты служитъ несомнѣннымъ доказатель-«ствомъ пріобрѣтеннаго Вами въ столь короткое время «уваженія и довѣренности дворянства.—Поздравляю «Васъ искренно съ столь лестнымъ изъявленіемъ рас-«положенія дворянства.—Это назначеніе предоставитъ «Вамъ, я увѣренъ, полную возможность оправдать какъ «это довѣріе, такъ и всѣ ожиданія и надежды, кото-«рыя возлагаетъ Императорское училище правовѣдѣнія «на бывшихъ своихъ питомцевъ».

Другое письмо, было какъ отзывъ на посланное Принцу поздравленіе по случаю бракосочетанія его дочери.

«Любезный Молчановъ!

«Письмо Ваше и товарищей Вашихъ братьевъ Во-«хиныхъ и барона Корфа, искренно порадовало меня, «какъ отголосокъ добрыхъ чувствъ Вашего дѣтства и «привязанности къ заведенію, въ которомъ Вы воспи-«тывались и плоды котораго много утѣшаютъ меня «въ жизни!»

Затѣмъ, послѣ словъ благодарности за принесенное поздравленіе, оно кончается такъ:

«Будьте счастливы, дорогіе питомцы мои, какъ въ «Вашей семейной жизни, такъ и на поприщѣ граждан-«ской службы, на которомъ, я увѣренъ, Вы оправдаете «ожиданія близкаго сердцу моему училища правовѣ-«дѣнія, въ воспитанникахъ коего я всегда буду прини-«мать живѣйшее участіе».

* * *

Мы дожили до старости; память наша слабѣетъ. Но она сохранитъ разсказы о поступкахъ Принца Петра Георгіевича, характеризующихъ симпатичную личность основателя и перваго попечителя училища правовѣдѣнія. Вотъ одинъ ихъ нихъ, дающій понятіе объ отношеніяхъ Принца, къ вышедшимъ правовѣдамъ.

Въ 1848 г. въ губернскомъ городѣ Орлѣ находились на службѣ двое правовѣдовъ шестого выпуска,

Петерсъ и Савеловъ.—Въ это время, какъ извѣстно, часто по губерніямъ происходили большіе пожары. Однимъ изъ нихъ былъ наполовину истребленъ и городъ Орелъ. И что же? Черезъ нѣсколько дней послѣ печальнаго событія приглашаетъ къ себѣ губернаторъ обоихъ орловскихъ правовѣдовъ и сообщаетъ имъ, что получилъ письмо отъ Принца Ольденбургскаго, изъ Петербурга, которымъ Его Императорское Высочество спрашиваетъ: не пострадали ли отъ пожара находящіеся на службѣ въ Орлѣ чиновники Петерсъ и Савеловъ, и не нуждаются ли въ какой помощи?...

III. Любовь къ Царствующей династіи и полнѣйшая преданность монархическому началу, составляли, по нашему мнѣнію, одно изъ выдающихся свойствъ Его Высочества. И это глубокое уваженіе или, вѣрнѣе, это благоговѣніе предъ высокою личностью Императора Николая Павловича, Его Августѣйшаго дяди, и затѣмъ глубокая преданность къ особѣ Императора Александра Николаевича и дружба съ нимъ, служили не только какъ благой примѣръ молодому поколѣнію, нѣтъ, они составляли неподдѣльное искреннее чувство. Онъ это чувство во всю жизнь хранилъ, какъ хранитъ дитя свою дѣтскую вѣру и носилъ его въ душѣ, какъ идеалъ вѣчно присущій духу.

И когда, потомъ, благороднѣйшій представитель монархической идеи, его другъ, его двоюродный братъ, Великій Государь Александръ II, на его глазахъ исте-

калъ кровью, кончая жизнь свою, тогда стоящій тутъ же Принцъ чувствовалъ какъ и его жизнь таяла и гасла и уходила въ вѣчность!.. Ударомъ о землю рокового снаряда, всѣ идеалы Принца были повержены во прахъ; все его бѣдное сердце, любящее и довѣрчивое, было сломано и разбито!...

Онъ не остался долго на землѣ; онъ не отпустилъ въ невѣдомую страну безъ себя своего друга, и брата и монарха; онъ, безъ фразъ и рѣчей, послѣдовалъ за нимъ въ могилу, и этою поспѣшною своею кончиною доказалъ, какъ умѣлъ онъ быть преданъ Царю и какъ способенъ былъ проявлять благородныя свойства своего духа!

На бѣломраморной плитѣ, надъ его могилой, въ Сергіевской пустынѣ, близъ Петербурга, вырѣзана эпитафія, имъ самимъ при жизни составленная. Одна изъ строкъ гласитъ:

«Ближняго благо—считалъ всюду святынею я».

Представшій предъ Вѣчнаго Судію могъ произнести эти слова безъ страха и боязни, онѣ дышали чистою правдой и оправдывались всею жизнью отшедшаго!

* * *

Rudolph Minkler.

Еще одно слово:

Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій родился въ 1812 г. Двѣнадцатый годъ!... Эпопея славы русской! Краснорѣчивѣйшая страница исторіи народной! Вѣкъ доблести военной и гражданской!...

Если болѣзни и пороки времени переходятъ къ поколѣнію нарождающемуся, то и свѣтлыя черты и добродѣтели сообщаются ему же.

Если та эпоха такою щедрою рукою давала намъ вождей, героевъ и патріотовъ, то она же посылала на землю людей мира, друзей человѣчества, къ которымъ несомнѣнно долженъ быть сопричисленъ и Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Сынъ нѣмецкаго принца и русской Великой Княгини, Его Высочество взялъ отъ отца и матери лучшія ихъ свойства. Такъ отъ отца онъ унаслѣдовалъ нѣмецкую солидность и правдивость, высокую честность, нравъ покойный, къ людямъ довѣріе; и отъ отца же своего онъ получилъ этотъ культъ безыскусственной, простой семейной жизни, котораго такъ держатся германцы и который дѣлаетъ ихъ народомъ стойкимъ и сильнымъ.

Родительница же дала сыну своему чистоту души, доброе къ нуждамъ и горестямъ чуткое сердце, и эту вѣру въ Бога, которая руководила поступками и дѣлами Принца отъ колыбели до могилы.

* *
*

Если мы и современники наши не остановимся передъ свѣтлою личностію Принца Петра Георгіевича и не дадимъ себѣ труда собрать всѣ матеріалы, до полной его біографіи относящіеся, то это только доказываетъ, какъ равнодушны стали мы ко всему, что не касается нашихъ личныхъ интересовъ и что для насъ безразлично, что для насъ совершенно все равно, существуетъ ли еще на Руси доблесть и ея представители или ихъ нѣтъ уже вовсе! Печальная эпоха! грустное время!...

Если бы возможно было,—а это теперь еще такъ легко и возможно,—собрать письменныя свидѣтельства и устныя преданія о добротѣ отшедшаго въ вѣчность Принца, то предъ нами возсталъ бы такой воплощенный примѣръ христіанской любви и добродѣтели, котораго мы не видѣли лишь только потому, что онъ былъ слишкомъ близокъ къ намъ, жилъ, такъ сказать, между нами, а при жизни «нѣсть пророка токмо во отечествіи своемъ». Но не для насъ, отживающихъ уже старцевъ, выросшихъ подъ кровомъ Принца и знавшихъ его лично нужна такая книга, она нужна для дѣтей нашихъ, для поколѣнія грядущаго, которое, увы! такъ бѣдно въ идеалахъ и такую нужду терпитъ въ доблестныхъ примѣрахъ. Пожелаемъ же, и усердно, добраго успѣха благому дѣлу.

КОНЕЦЪ.

Константинъ Дмитріевичъ Даниловъ.

Родился въ 1829 году въ крѣпости Динабургѣ и происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Воспитаніе свое онъ получилъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1850 году.

Уже на скамьѣ училищной отличался онъ большимъ расположеніемъ къ русской словесности и выдающимся талантомъ къ рисованію карандашемъ.

Это расположеніе къ изображенію лицъ, особенно со стороны каррикатуры, и малое содержаніе, получаемое по службѣ, побудили его предпринять изданіе юмористическаго листка, имѣвшаго большой успѣхъ съ 1858 по 1864.

Но такъ какъ издательство такого листка не согласовалось съ занятіями служебными, то К. Д. долженъ былъ оставить коронную службу и заняться частными дѣлами.

Онъ обратился къ торговлѣ книгами и открылъ въ Таганрогѣ продажу книгъ съ состоявшею при ней библіотекою для чтенія.

Дѣло шло хорошо до эманципаціи крестьянъ, но послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости положеніе интеллигенціи измѣнилось и дѣло съ книгами пошло дурно. Капиталъ затраченный былъ потерянъ и К. Д. пришлось вновь становиться въ ряды чиновниковъ отъ правительства. Онъ назначенъ былъ въ Варшаву членомъ юридической коммиссіи, работавшей подъ руководствомъ Д. Н. Милютина, а въ слѣдъ за тѣмъ получилъ должность вице-губернатора въ Варшавѣ же.

Польское чиновничество того времени не могло сочувственно относиться къ русскимъ дѣятелямъ, такъ какъ край постоянно волнуемъ былъ смутами и сопротивленіями властямъ. Но честность, прямодушіе и благородство ха-

Benjamin Franklin - by age

рактера, соединенные съ мягкостью сердца и тактомъ, сдѣлали то, что люди польскаго происхожденія питали большое расположеніе къ Данилову. Надо и то сказать, что онъ не пропускалъ ни одного случая, когда можно было оказать кому-либо услугу; гостепріимныя двери его дома открыты были всѣмъ добрымъ и честнымъ людямъ.

Въ 1876 году Даниловъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Калишъ, но не суждено ему было оставить Варшаву, гдѣ его такъ любили. 28 Декабря того года онъ скончался и похороны его съ великою очевидностію показали какимъ расположеніемъ, какимъ уваженіемъ и почетомъ пользовался бывшій вице-губернаторъ во всѣхъ слояхъ варшавскаго общества.

И когда, годъ спустя, собрались у вдовы Данилова бывшіе его товарищи и сослуживцы встрѣчать наступающій новый годъ, то на предложенный имъ въ дружеской бесѣдѣ хозяйкою дома вопросъ: чего же вамъ пожелать господа? они всѣ, въ одинъ голосъ, отвѣчали:

«пожелайте намъ, Варвара Александровна, во всемъ походить на Вашего мужа».

Теперь, когда читатели познакомились съ силуэтами Данилова и получили свѣдѣнія о жизни самого автора ихъ, можетъ быть найдутся лица, которыя пожелаютъ узнать, кому же обязанъ вообще рисунокъ-силуэтъ своимъ изобрѣтеніемъ?

Мы съ удовольствіемъ дадимъ отвѣтъ на вопросъ этотъ.

Въ очень отдаленныя времена, въ древней Греціи, въ Пелапонезѣ, въ городѣ Сиціонѣ, проживала съ матерью своею дѣвица по фамиліи Дибютадисъ. Она не отличалась ни знатностью рода, ни богатствомъ, но имѣла доброе, любящее сердце. Надо замѣтить, что жители Сиціона славились преданностію къ наукамъ, владѣли лучшею школою, а женщины удивляли всѣхъ умѣньемъ одѣваться къ лицу и изящно носить свои національные костюмы. И вотъ юная дѣва, о которой идетъ рѣчь, когда пришла пора любви, отдала свое пылкое сердце молодому греку. Они полюбили

Учитель гимнастики
ЛОПУИТЪ.

другъ друга со всѣмъ пыломъ молодости, были вполнѣ счастливы и ждали только радостнаго дня свадьбы. И вдругъ, о ужасъ! война!...

Ему надо было становиться въ ряды воиновъ и итти на защиту родины!

Минута горькой разлуки наконецъ наступила. Онъ идетъ къ ней, чтобы сказать послѣднее «*прости*».

Дѣло было вечеромъ; маленькую комнатку освѣщалъ горящій свѣточъ. Грудь молодой красавицы тяжело дышала, на рѣсницахъ висѣли слезы.

И вдругъ! о счастіе! о чудо!.. на противуположной стѣнѣ видитъ она, отражаемый свѣтомъ лампы, дорогой профиль!

Стремительно бросается она къ потухшему очагу, беретъ уголь и очерчиваетъ имъ на стѣнѣ обликъ милаго жениха и друга.

Силуэтъ былъ найденъ;—скорбное сердце обрѣло отраду!

Списокъ лицъ, коихъ имѣются силуэты, съ показаніемъ, съ котораго и по который годъ лица эти состояли въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія на службѣ.

1. Директоръ Училища Семенъ Антоновичъ *Пошманъ* . . . . . 1835—1847
2. Священникъ, онъ же Законоучитель и преподаватель церковнаго права, логики и психологіи, магистръ богословія, протоіерей Михаилъ Измайловичъ *Богословскій* . . . . . 1835—1865
3. Заслуженный профессоръ Петръ Егоровичъ *Георгіевскій* . . . . . 1835—1852
4. Профессоръ римскаго права Василій Васильевичъ *Шнейдеръ*. . . . 1835—1863
5. Преподаватель географіи и статистики Карлъ Осиповичъ *Вранкенъ*. 1835—1850
6. Профессоръ государственнаго права Никифоръ Алексѣевичъ *Палибинъ* . 1838—1861

7. Преподаватель политической экономіи, законовъ о финансахъ и сельскаго хозяйства Василій Ивановичъ *Уткинъ* . . . . . 1837—1849
8. Профессоръ пропедевтики и энциклопедіи права Романъ Андреевичъ *Штекгардъ* . . . . . 1835—1848
9. Профессоръ всеобщей и россійской исторіи Иванъ Петровичъ *Шульгинъ*. 1838—1859
10. Преподаватель математическихъ наукъ Іосифъ Васильевичъ *Семеновъ* . 1836—1850
11. Профессоръ судебной медицины Александръ Петровичъ *Загорскій* . 1846—1888
12. Преподаватель законовъ межевыхъ Ѳеофилактъ Лукичъ *Малиновскій* . 1839—1854
13. Инспекторъ классовъ и профессоръ гражданскаго права Александръ Ивановичъ *Кранихфельдъ* . . . . . 1841—1858
14. Воспитатель и преподаватель математики Алексѣй Симоновичъ *Андреевъ* . . . . . 1835—1850
15. Воспитатель и преподаватель нѣмецкаго языка Петръ Васильевичъ *Томсенъ* . . . . . 1835—1851
16. Воспитатель и преподаватель англійскаго языка Иванъ Андреевичъ *Бушманъ*. . . . . 1839—1849

17. Воспитатель и преподаватель французскаго языка и технологіи Лаврентій Ивановичъ *Лустоно* . . . . . 1838—1853
18. Воспитатель и преподаватель нѣмецкаго языка Карлъ Леопольдовичъ *Шнеринъ*. . . . . 1842—1883
19. Преподаватель мѣстныхъ законовъ и остзейскаго права Морицъ Готлибъ Ивановичъ *Генцшелъ*. . . . 1842—1855
20. Преподаватель латинскаго языка Рудольфъ Егоровичъ *Михлеръ* . . 1837—1850
21. Учитель танцованія Огюстъ *Пуаро*. 1838—1844
22. Учитель гимнастики Эдуардъ *Лопуитъ* . . . . . 1837—1852

ЦѢНА **2** РУБ.

съ пересылкою.

Получать можно въ канцеляріи училища Правовѣдѣнія, по Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада.

Господъ же иногородныхъ просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ — Екатерингофскій паркъ, д. Корнилова № 9, кв. 5. **Меѳодію Мироновичу Молчанову.**